

[Polaris]

Командант Х

ВОЙНА НАРОДОВ
(1921-23)

Фантастический роман

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXXXI

Salamandra P.V.V.

Комендант X

**ВОЙНА
НАРОДОВ**

(1921-23)

Фантастический
роман

Salamandra P.V.V.

Комендант X.

Война народов (1921-23): Фантастический роман. Факсимильное изд. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 42 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СXXXI).

Настоящая книга представляет собой факсимильное переиздание романа «Война народов» (1912) – заметного сочинения в истории фантастики «будущих войн». Его автор, итальянец, скрылся в свое время под псевдонимом «Комендант X».

ВОЙНА НАРОДОВ

(1921-23)

Фантастический
роман

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Данный выпуск серии «Polaris» представляет собой факсимильное переиздание итальянского фантастического романа «Война народов (1921-23)» – заметного сочинения в истории фантастики «будущих войн». Впервые роман был опубликован на русском языке (с сокращениями) в журнале «Новое время» (№№ 6-7, июнь-июль 1912). Итальянский оригинал под названием *La guerra d'Europa (1921-23): Romanzo delle nazioni* впервые вышел в свет в Генуе в 1912 г.; в 1915 г., уже во время Первой мировой войны, было опубликовано второе издание.

Личность автора, скрывшегося под звучным псевдонимом «Comandante X**», окружена некоторой таинственностью. В редакционном предисловии к русскому переводу он назван «видным представителем итальянского флота» – что, возможно, является вымыслом. Некоторые библиографы приписывают авторство романа итальянскому офицеру Альфредо Росси, дослужившемуся к 1919 г. до полковника, который опубликовал в 1910-х гг. несколько пособий по военному делу. Действительно, в 1911 г. Росси выпустил в Риме книжечку *La guerra d'Europa (1921-23)*, однако она является не романом, а брошюрой. С другой стороны, многие итальянские литературоведы называют авторами романа Убальдо Форментини и Марио Габотто.

Война народовъ.

(1921—23 г.).

Романъ въ двухъ частяхъ коменданта Инсь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

«Война народовъ», которую мы предлагаемъ вниманию нашихъ читателей, въ переводѣ съ итальянскаго, только что вышла изъ-подъ пера одного изъ видныхъ представителей итальянскаго флота, скрывающагося подъ псевдонимомъ «комендантъ X»...

Это произведение обратило на себя вниманіе всей европейской печати, какъ попытка характеристизировать будущей обще-европейской войны. Положенія автора, несомнѣнно, фантастичны, но фантастичны лишь постольку, поскольку они выходятъ изъ предѣловъ дѣйствительности данной минуты. По существу же, съ точекъ зрѣнія военной и политической, перспективы автора представляются вполне осуществимыми: военная техника быстро развивается, схема политическыхъ комбинацій въ Европѣ также часто мѣняется. Авторъ считаетъ обще-европейскую войну неизбежной, и рисуетъ читателю ея перспективы такъ, какъ онѣ представляются ему—знатоку военно-морского дѣла. Отмѣтимъ кстати, что «комендантъ X» посвящаетъ свой трудъ извѣстному автору «Расплаты» и «Отъ Кронштадта до Цусимы» В. Семенову.

I.

Бесѣда короля съ министромъ велась уже болѣе часа, сначала въ кабинетѣ, а затѣмъ на палубѣ.

Король держалъ въ рукахъ послѣдній номеръ «Италіи».

Берлинскій корреспондентъ по беспроволочному телеграфу сообщалъ, что германскій делегатъ баронъ фонъ-Гертенъ, въ виду предполагающейся отсрочки засѣданій международной конференціи въ Нейшателѣ, собирается назавтра въ Берлинъ. Это краткое сообщеніе выражало собою неудачу самой конференціи. Правда, съ тѣхъ поръ, какъ великія державы приняли англійское предложеніе о созывѣ международной конференціи для рѣшенія критскаго вопроса, въ Европѣ очень немногіе сомнѣвались еще, что эта конференція не приведетъ ни къ какимъ результатамъ, но англійское предложеніе все же задержало на нѣкоторое время взрывъ военныхъ дѣйствій между Греціей и Турціей. Говорили даже, что нота премьера Ллойдъ-Джорджа приостановила въ открытомъ морѣ дивизію греческой эскадры, приближавшуюся на всѣхъ парахъ къ берегамъ Крита, гдѣ революціонеры вывели греческій флотъ. Установленнымъ было, во всякомъ случаѣ, только то, что во главѣ греческой эскадры стоялъ самъ король эллиновъ.

— Мой кузенъ, греческій король, несомнѣнно, любимъ арміей и флотомъ, народъ также возлагаетъ на него большія надежды,

как на верховного вождя вооруженных сил страны.

— Надежды эти, ваше величество, вполне обоснованы. За характер, твердость воли и выдержку короля Амедео рунется все его прошлое.

— И все-таки, мой дорогой министр, я уверен, что Амедео проникнут искренним желанием сохранить мир. Вѣдь корона получена имъ изъ рукъ народа путемъ плебисцита...

Разговор перешелъ на тему о статьѣ, которая скоро должна была появиться въ англійскомъ «Морскомъ Ежегодникѣ». Отдѣльныя выдержки изъ нея уже были напечатаны въ «Италии»; онѣ касались, главнымъ образомъ, оцѣнки греческихъ военно-морскихъ силъ и турецкихъ. Переворотъ, произведенный въ области военного судостроенія въ 1916 г. появленіемъ новаго типа моторнаго бронепосада «Дуль» въ 32,000 тоннъ водоизмѣщенія, выражалъ собою закатъ того типа дрейнуотовъ, который въ промежутокъ времени отъ 1905 до 1910 г. казался всему міру послѣднимъ словомъ судостроительной техники.

Германія, которая все еще пользовалась въ Константинополѣ огромнымъ вліяніемъ, съ лихорадочной быстротой первая принялась за осуществленіе новой морской программы, предварительно перепродавъ Турціи нѣкоторые устарѣвшія свои суда, въ томъ числѣ и свои дрейнуоты въ 18,700 тоннъ, типа «Нассау» и «Вестфаленъ». Почти одновременно Турція приобрѣла въ Англии еще три дрейнуота, спущенные въ 1911 г. Это послѣдовало сейчасъ же послѣ дипломатическаго пораженія, понесеннаго Портою весной 1915 г., когда вспынувшій въ греческомъ флотѣ бунтъ привелъ на престолъ Греціи итальянскаго принца Амедео. Англія тогда первая убѣдила короля Георга въ необходимости отреченія отъ трона; народный же плебисцитъ, устроенный затѣмъ въ Греціи, подтвердилъ избраніе принца Амедео королемъ эллиновъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ.

Въ 1916 г., благодаря своимъ моторнымъ бронепосадамъ, Италия занимала очень выгодное положеніе въ европейскомъ концертѣ. Часть своихъ устарѣвшихъ дрейнуотовъ типа «Данте» и «Рома» она продала Греціи. Но послѣдовавшія затѣмъ событія, инциденты, разыгравшіеся въ мартѣ 1920 г. на Критѣ, привели осенью къ международной конференціи въ Дрезденѣ, на которой великія державы обязали Грецію и Турцію не приобретать болѣе никакихъ новыхъ военныхъ судовъ нейтральныхъ державъ. Греція

все-таки еще успѣла черезъ посредство Чилийскаго республика купить въ Соединенныхъ Штатахъ три моторныхъ бронепосада, въ 28,000 тоннъ каждый.

Авторъ статьи въ англійскомъ журналѣ доказывалъ далѣе, что соперничество между Греціей и Турціей выражаетъ собою не что иное, какъ отраженіе грядущаго конфликта между центральными европейскими имперіями и тройственнымъ согласіемъ западныхъ державъ.

Нѣкоторые отрывки этой статьи были прочитаны королемъ вслухъ.

— Я, конечно, сомнѣваюсь,—замѣтилъ министръ Леонати, точно желая смягчить пессимистическіе выводы англійскаго журнала,—что европейскій миръ не будетъ нарушенъ; но эта анонимная статья, въ которой не трудно узнать старика адмирала Бересфорда, командира англійскихъ морскихъ силъ въ Средиземномъ морѣ, затрагиваетъ, дѣйствительно, самую основу волнующей Европу проблемы: всѣ признаютъ опасность момента, и никто не рѣшается сдѣлать что-либо въ пользу мира...

Король ничего не возразилъ на замѣчаніе Леонати, а продолжалъ слушать его рѣчь, которая постепенно, точно съ трибуны палаты депутатовъ, становилась все оживленнѣе и богаче доводами и аргументами.

Греко-турецкій конфликтъ составляетъ только звено въ неразрывной цѣпи международныхъ инцидентовъ, разыгравшихся въ Европѣ послѣ расторгненія тройственнаго союза; соперничество между Англійей и Германіей обостряется съ каждымъ днемъ. Вѣчный вопросъ о желѣзнодорожномъ строителствѣ въ Малой Азіи осложнился особенно съ тѣхъ поръ, какъ Германія стала подчеркивать необходимость соединенія Багдада съ Персидскимъ заливомъ желѣзнодорожной линіей. Въ Лондонѣ усмотрѣли въ этомъ серьезную угрозу для индійскихъ владѣній Англійи, и съ той поры столкновеніе между ними казалось уже неизбѣжнымъ. Германія, очевидно, закончила осуществленіе своей новой военно-морской программы, ждала только удобнаго случая, чтобы помѣряться силами съ Англійей. Кромѣ этихъ двухъ державъ въ обостреніи международного положенія крупную роль сыграли еще и другіе факторы.

Въ Австріи на тронѣ сдѣлалъ вѣртергоцъ Францъ-Фридрихъ; престарѣлый императоръ Францъ-Иосифъ, ослѣпшій въ послѣдніе годы своего царствованія, отрекся отъ трона и удалился въ свой замокъ въ Мирамаръ. Новый австрійскій монархъ уже въ первые дни своего царствованія добился значитель-

наго успѣха тѣмъ, что, по его настоянію, главой римской курии былъ избранъ его другъ—кардиналъ Бартъ, бывший вѣпскій архіепископъ. Въ Германіи у власти стоялъ католическій центръ; причемъ всенѣмецкіи тенденціи Гогенцоллерновъ встрѣчали сильную поддержку у католиковъ обѣихъ имперій.

Во Франціи сильный подъемъ національнаго духа обнаружился особенно послѣ неудачной попытки правыхъ элементовъ свергнуть республику лѣтомъ 1916 года.

Въ Италіи борьба между клерикализмомъ и передовыми государственными идеями также сильно обострилась. Этому содѣйствовало въ значительной степени и то обстоятельство, что на тронѣ Ватикана сидѣлъ нѣмецъ, не потерявшій связи съ родиной и безпошадно преслѣдовавшій реформистскія теченія итальянскаго клира.

Рѣчь министра была прервана неожиданно появленіемъ начальника морского штаба, который пришелъ сообщить королю о приближеніи эскадры, и инженеръ-адмирала Ламберти, изобрѣтателя моторнаго броненосца. Всѣ вышли на палубу.

Скоро на горизонтѣ показалась и эскадра.

Дефилируя мимо крейсера, на которомъ находился король, гиганты моторные броненосцы въ 32,000 тоннъ водоизмѣщенія салютовали изъ тяжелыхъ орудій.

За броненосцами шли дредноуты, за ними—истребители и миноносцы.

— А вотъ и флотилія подводныхъ лодокъ,—замѣтилъ начальникъ морского штаба, въ то время когда адмиралъ Ламберти пояснялъ королю преимущества итальянскихъ миноносцевъ, обладающихъ скоростью хода въ 32 узла въ часъ. Но вниманіе короля было отвлечено другимъ; съ одного изъ моторныхъ броненосцевъ, только что продефилировавшаго мимо короля, неожиданно стала подниматься въ высь эскадра летательныхъ аппаратовъ. Точно огромныя стальные птицы, плавно разсѣлая воздухъ, они стройно и ритмично поднимались все выше и выше. Достигнувъ опредѣленной высоты, они быстро стали спускаться по направленію къ крейсеру, на которомъ находился король. Ясно видно было, что на каждомъ летательномъ аппаратѣ находятся пилотъ и офицеръ-наблюдатель. На флагманскомъ аппаратѣ сидѣлъ помимо того еще и телеграфистъ, который все время поддерживалъ сообщеніе съ остальными аппаратами.

Начальникъ морского штаба передалъ на флагманскій аппаратъ приказъ о спускѣ.

Почти мгновенно, сохраняя строевую ли-

нію, птицы-аппараты вертикальнымъ спускомъ очутились у борта королевскаго крейсера.

— Все это, конечно, очень красиво,—замѣтилъ король министру и начальнику штаба, возвращаясь въ каюту,—но, если война грянетъ, господа, меня здѣсь не будетъ. Я—пѣхотинецъ, и мое мѣсто на позиціяхъ.

II.

Изъ театра, гдѣ шла новая пьеса д'Аннунціо, Филиппо Ровани поспѣшилъ въ редакцію. Тамъ его дождался депутатъ Манфредини. Когда журналистъ окончилъ чтеніе телеграммъ, Манфредини спросилъ:

— Что новаго?

— Прочтешь черезъ 20 минутъ, когда выйдетъ наше послѣднее изданіе.

— А сейчасъ нельзя развѣ?

— Если настаиваешь, такъ вотъ. Албанскіе повстанцы, предводительствуемые нашимъ Гарибальди, осадили съ суши Валлону и отгнѣсили Миакиль-пашу съ значительнымъ для него урономъ.

— Дальше?

— Греческій флотъ подошелъ къ Канеѣ... Но я тороплюсь, дорогой, не перебивай же меня, тогда я передамъ тебѣ точное содержаніе телеграммъ... Эскадра состоитъ изъ шести единицъ, кромѣ моторныхъ крейсеровъ и флотиліи подводныхъ лодокъ. Она вошла въ Канею въ 4 ч. 45 м. Турки съ фортовъ не стрѣляли. Начальникъ эскадры конгръ-адмиралъ Кавада обнародовалъ воззваніе, въ которомъ онъ заявляетъ, что явился для охраны греческихъ подданныхъ... Какъ видишь, дѣло налаживается. Что касается меня, то я пока остаюсь въ Римѣ; завтра же надѣюсь имѣть бесѣду съ претендентомъ на папскій престолъ.

— Съ претендентомъ? Откуда же онъ взялся? И кто онъ такой?

— Князь Эмбриако... Война-то, по моему, не такъ скоро вспыхнетъ. До того баронесса Берта фонъ-Зуттнеръ успѣетъ еще послать всѣмъ коронованнымъ особамъ Европы по сотнѣ телеграммъ съ мольбою предотвратить вооруженный конфликтъ во имя христіанства и человѣколюбія...

Римское отдѣленіе газеты «Италія» помѣщалось на площади Колонна, въ великолѣпномъ дворцѣ, выстроеномъ извѣстнымъ архитекторомъ Беллуччи. Съ нѣкоторыхъ поръ «Италія» занимала почтительное мѣсто среди самыхъ крупныхъ европейскихъ газетъ. Она издавалась одновременно въ Римѣ, Миланѣ, Нью-Йоркѣ и Буэнос-Айресѣ и имѣла въ своемъ распоряженіи многочисленный штатъ корреспондентовъ, раз-

брошенных по всему миру. Во время греческой революции, когда в Афинах были задержаны телеграммы всех иностранных корреспондентов, Филиппу Ровани, афинскому представителю «Италии», удалось сообщаться с Европой посредством беспроволочного телеграфа. Он же совершил однажды перелет через Атлантический океан на дирижабль «Галлей»; его корреспонденции, переданные по беспроволочному телеграфу на оба полушария, читались с захватывающим интересом всем миром и цитировались даже самыми крупными английскими и американскими газетами.

Во главе газеты стоял Альфредо Берти, пришедший к журналистике из финансовых сфер.

— Греческий король, — сказал он вождему к нему в кабинет «королю репортеров» Ровани, — еще раз проявил большую предусмотрительность и энергию. Движение на Калею спасает албанское восстание и препятствует отправке болге или менее значительных подкреплений Миакиль-паше. Турки, кроме того, вынуждены теперь мобилизовать свои войска и на греко-болгарской границе.

Главный редактор «Италия» подал репортеру, только что полученную телеграфную корреспонденцию из Берлина, в которой тамошний корреспондент «Италия», граф Сант-Донат, занимавший одно время очень видный дипломатический пост, сообщал, что завтра берлинским кабинетом будет отправлена державам нота с требованием вмешательства для восстановления status quo на Крите.

Нота редактирована самим императором.

В кабинет главного редактора вошел еще сотрудник по военным вопросам, полковник в отставке Бонкомпанни.

— Каков ваш план войны, полковник? — спросил король репортеров.

— Первый фазис военных действий, — спокойно и уверенно ответил Бонкомпанни, — определяется соотношением сил обеих группировок держав в Средиземном море... Англия сосредоточила свои морские силы у Мальты под командой вице-адмирала Дюварь. Ее средиземная эскадра состоит из 10 dreadnoughtов с турбинными двигателями и из судов, построенных в 1912 г. водоизмещением в 18,000 тонн каждое. В состав эскадры входит еще дивизия моторных броненосцев в 27,000 тонн и дивизия бронированных крейсеров, обладающих

скоростью в 26 узлов в час. Французский флот стоит в полной боевой готовности в Тулон, причем флагманским судном является моторный броненосец «Маргарита». Всем этим силам России может противопоставить 4 моторных броненосца в 28,000 тонн, 6 dreadnoughtов в 24,000 тонн, не считая оттоманской эскадры, образованной из 6 dreadnoughtов и двух бронированных крейсеров в 15,000 тонн, построенных на австро-германских верфях ранее 1920 г. Соотношение подводных эскадр обеих группировок представляется почти равным, с той только разницей, что французская подводная флотилия стоит у берегов французских владений в Африке.

Редактор и репортер инстинктивно взглянули на карту.

— Как видите, — продолжал полковник Бонкомпанни, — я нарочно упустил здесь из виду Австрию и Италию. Грядущая война будет очень богата театрами военных действий. Италия должна залучить австро-венгерские морские силы в Адриатическом море, заставить их принять бой и, конечно, уничтожить их с молниеносной быстротой. Англия, Франция и Греция на первых порах предостоят следить внимательно за русско-турецкими операциями и сейчас же после объявления войны овладеть господством на море. Решающее слово должно быть предоставлено западным военно-морским силам. Для этого необходимо предварительно, чтобы австрийский и русско-турецкий флоты были время уничтожены или обезсилены, ибо только господство на море может позволить западным державам провести мобилизацию своих армий. Конечно, Россия и Турция также имеют прочные операционные базы в Босфор и Черном море. Но наибольшую угрозу представляет собою Австро-Венгрия, обладающая целым рядом баз на Восточном побережье Адриатики. Решающий сухопутный конфликт будет только вичать дело, начатое морскими выступлениями. Нам, итальянцам, господство в Адриатике позволить, помимо того, угрожать австро-венгерскому операционному фронту на север от Триеста.

— Я начинаю понимать, — заметил после некоторого раздумья главный редактор. — Действия англо-итальянских сил должны будут носить с первого же момента наступательный характер. Только быстрое уничтожение неприятельских морских сил в Средиземном море может

прюстапавить напоръ австро-русской арміи на итальянскую границу. Что касается Англии, то, по-моему, оставался вѣрной своему основному принципу, по которому ея собственной морской границей является неприязнелое побережье, она ни минуты не замедлитъ, чтобы обрушиться всѣми своими силами на русско-германскій флотъ и заставить его принять бой при наиболѣе выгодныхъ для нея условіяхъ. Задача Италии снова, повидимому, заключается въ томъ, чтобы быть стрѣлочникомъ европейскихъ націй.

— Совершенно вѣрно, — подтвердилъ полковникъ.

Въ кабинетъ главнаго редактора вошелъ парламентскій хроникеръ, принесшій извѣстіе о результатахъ совѣщанія совѣта министровъ. Выслушавъ его, редакторъ продолжалъ:

— Логически разсуждая, военныя дѣйствія между Греціей и Турціей еще не должны привести къ европейскому конфликту. Видъ тайный договоръ 1916 г. обязуетъ насъ становиться на сторону Англии и Франціи только въ томъ случаѣ, когда кака-нибудь другая держава угрожаетъ имъ въ Средиземномъ морѣ.

— А развѣ Россія не является для нихъ достаточной угрозой? — перебилъ полковникъ, — та Россія, которая съ такой послѣдностью возсоздала свой мощный флотъ въ Балтійскомъ морѣ и въ то же время сильно укрѣпилась въ Черномъ морѣ?.. Впрочемъ, вотъ, по-моему, наиболѣе вѣроятное теченіе конфликта: какъ только русскій черноморскій флотъ пройдетъ черезъ проливы, война неизбежна.

Когда редакторъ и его сотрудники вышли на площадь Колонны, тамъ уже носилась тѣнь надвигающейся грозы. Толпа студентовъ и рабочихъ въ нѣсколько тысячъ человекъ устраивала демонстрацію передъ домою премьера.

— Да, пачинается, — сказалъ полковникъ.

III.

Рѣшительный шагъ для открытія военныхъ дѣйствій былъ сдѣланъ Россіей 11-го декабря. Ея черноморскій флотъ, въ составѣ 10 линейныхъ броненосцевъ, прошелъ черезъ Босфоръ и остановился передъ Константинополемъ. Это извѣстіе, переданное по беспроволочному телеграфу константинопольскимъ корреспондентомъ «Италія», который присутствовалъ при проходѣ русскихъ судовъ на яхтѣ «Репортеръ», про-

извело на Европу огромное впечатлѣніе. Западнo-европейскія державы усмотрѣли въ этомъ актѣ нарушение международныхъ договоровъ.

Извѣстіе докатилось и до Бриндизи, гдѣ стояла часть итальянской адриатической эскадры.

Начальникъ флотиліи летательныхъ аппаратовъ князь Эмбриако, недавно только прибывшій въ Бриндизи, еще днемъ раньше прочелъ въ «Италія» статью графа Сальданато съ освѣщеніемъ вѣроятнаго фазиса предстоящихъ событийъ. Борьба дипломатовъ возгорѣлась вокругъ толкованія международныхъ конвенцій отъ 1871 и 1878 гг., по которымъ Россіи было предоставлено право содержать военный флотъ въ Черномъ морѣ, но съ условіемъ, что стертые проливы въ мирное время для прохода иностранныхъ военныхъ судовъ можетъ быть произведено лишь Портой. Пронесли въ тотъ день какіе-то смутные слухи о попыткѣ посредничества, сдѣланной будто бы Ватиканомъ, но эти слухи черезъ нѣсколько часовъ были опровергнуты. Другое сенсационное извѣстіе было пущено газетой «Corriere di Roma»; она сообщала изъ румынскаго источника, будто почтовый пароходъ, только что вышедшій изъ Босфора, встрѣтилъ около Варны весь черноморскій флотъ Россіи, державшій курсъ на сѣверо-востокъ. Это извѣстіе, внушавшее мысль о томъ, что Россія отказалась будто бы отъ своего намѣренія пройти черезъ проливы подъ давленіемъ западныхъ державъ, однако, не оправдалось.

Полковникъ Эмбриако въ недоумѣніи спрашивалъ своего друга капитана 1-го ранга Кавальканти, не знаетъ-ли онъ чего-нибудь положительнаго.

— Я знаю ровно столько же, сколько вы, — отвѣчалъ капитанъ. — Въ каютѣ-компаніи ни о чемъ не говорятъ. Кажется, однако, что дѣло становится серьезнымъ.

Капитанъ дѣйствительно зналъ то, что къ вечеру въ Бриндизи должна прибыть первая дивизія эскадры. Это указывало на то, что сосредоточеніе флота становится фактомъ. Война, повидимому, была неизбежна. Вечеромъ по желѣзной дорогѣ въ Бриндизи долженъ прибыть также главный адмиралъ флота д'Аурія, который подниметъ свой флагъ на моторномъ броненосцѣ «Патрія».

Отъ своего непосредственнаго начальника вице-адмирала маркиза Вальтурнани, съ которымъ онъ поддерживалъ личныя дружескія сношенія, князь Эмбриако узналъ нѣкоторыя, болѣе обстоятельныя новости.

— Сегодня, — говорил адмирал, — его превосходительство, действительно, приѣзжает. Я думаю поэтому, что эскадра уйдет отсюда сегодня же ночью или завтра утром, и тогда, дорогой друг, — адмирал схватил многозначительный жест рукою — мы будем уже ждать вѣстей от васъ... Что касается меня, то я останусь здѣсь. Мнѣ дадутъ моихъ два крейсера, флотилию миноносцевъ и подводныя лодки для охраны береговъ. За Бриджиз я не боюсь. Другое дѣло — Анкона... Адмиралъ рассказывалъ далѣе, что король ужъ отправился на границу. Населеніе Рима устроило ему грандіозную овацію. Великъ былъ и народный энтузіазмъ въ Парижѣ при уходѣ зуавовъ въ границѣ. Эскадра летательныхъ аппаратовъ неотступно сопровождала войска до самой границы.

— А знаете, Эмбриако, кто командуетъ двѣнадцатымъ французскимъ полкомъ?

— Кто?

— Принцъ Наполеонъ. Принцъ въ порывѣ патриотизма предложилъ республикѣ свои усуги, а та великодушно ихъ приняла.

— Кто же командуетъ французскими войсками на восточной границѣ?

— Маршалъ Баяръ... О мобилизаціи на сербско-черногорской границѣ имѣются только отрывочныя свѣдѣнія. Извѣстно только то, что Австрія усилила свои гарнизоны въ военномъ округѣ Задара. Она все еще продолжаетъ сыпать свои полки на южную границу, выбирая ихъ изъ гарнизоновъ, расположенныхъ въ Богеміи, Венгріи и даже у русской границы. Въ Триестѣ, Фіумѣ и Полѣ стоятъ наготовѣ военные транспорты. Каждый день оттуда уходятъ въ южную Далмацію все новые и новые транспорты.

— А флотъ?

— Гм... флотъ... Во всякомъ случаѣ, установлено, что адмиралъ Монтефельтро уже нѣсколько дней тому назадъ поднялъ свой флагъ на «Кайзеръ». Въ Полѣ день и ночь кипитъ работа по привлеченію въ боевую готовность первой дивизіи дредноутовъ, въ составъ которой войдутъ также «Лисса» и «Габсбургъ». Кажется, однако, что одинъ изъ австрійскихъ крейсеровъ, если не ошибаюсь «Vissak» — уже потерялъ аварію по пути изъ Каттаро въ Полу. Какъ видите, пляска начинается.

* * *

Вечеромъ черезъ часъ послѣ того, какъ главный адмиралъ д'Аурія поднялъ свой командирскій флагъ на моторномъ броненосцѣ «Патрія», въ гавань вошелъ развѣдочный крейсеръ «Уголино Вивальди». Коман-

диръ крейсера капитанъ Морозини, состоявшій раньше въ морскомъ штабѣ и только временно привомадированный къ дѣйствующей эскадрѣ, былъ пригнанъ адмираломъ немедленно въ присутствіи начальника морского штаба вице-адмирала Поли.

— Капитанъ, вы можете устно доложить мнѣ объ исходѣ порученной вамъ миссіи.

Капитанъ подробно сталъ излагать результаты своихъ переговоровъ съ представителями союзныхъ флотовъ въ Средиземномъ морѣ. Верховное командованіе морскими силами принялъ на себя греческій король Амедео, причемъ начальникомъ его штаба назначенъ французъ адмиралъ Ренье. Англо-французская эскадра, сосредоточенная у Мальты, должна присоединиться къ греческимъ военнымъ судамъ, стоящимъ у Канн. Адмиральскій флагъ поднять на французскомъ моторномъ броненосцѣ въ 30.000 тоннъ вооруженія «Маргарита». Итальянскому флоту предложены совершенно самостоятельныя дѣйствія — блокада австро-венгерскихъ портовъ въ Адриатикѣ и возможно быстрое уничтоженіе австрійскаго флота.

— Австрійскіе стратеги, — прервалъ адмиралъ, — всегда воображали, что въ случаѣ войны съ Италіей Австрія должна будетъ вести наступательныя дѣйствія. Кажется, однако, что при данномъ положеніи вещей въ Средиземномъ морѣ имъ придется думать скорѣе объ оборонѣ. Я не думаю, чтобы они стали насъ искать гдѣ-либо въ Адриатикѣ, хотя сюрпризовъ слѣдуетъ ждать. Боюсь за Анкону.

— А Венеція? — вставилъ начальникъ штаба.

— Пѣтъ, за Венецію я не боюсь. Надо думать, что австрійцы не смѣютъ. Венеція спокойно выдержитъ осаду съ моря, вплоть до нашего прибытія, когда путь на Полу уже будетъ отрезанъ неприятелю.

Послѣ нѣкотораго раздумья адмиралъ продолжалъ:

— Я намѣренъ дѣйствовать, главнымъ образомъ, помощью однородныхъ и новѣйшихъ судовъ. Въ данную минуту австро-венгерскій флотъ состоитъ изъ шести моторныхъ броненосцевъ въ 36,000 тоннъ и двухъ моторныхъ крейсеровъ въ 20,000 тоннъ. Въ его распоряженіи имѣются еще 7 дредноутовъ типа «Вирibusъ», спущенныхъ на воду въ 1911 году, и эскадра дредноутовъ въ 26,000 тоннъ каждый отъ 1914 года. Оставляя даже на время наши дредноуты бѣдъ Валлоной, мы все-же имѣемъ возможность противопоставить наши

двѣнадцать боевыхъ единицъ австрійскимъ четырнадцатью...

Адмиралъ снова обратился къ капитану Мериони.

— Капитанъ, вы снова переходите въ распоряженіе начальника эскадры подводныхъ лодокъ. Прошу васъ немедленно-же отправиться на развѣдочный крейсеръ «Бандьера».

Послѣ ухода капитана д'Аурія нѣсколько разъ прошалъ взадъ и впередъ по компатѣ, остановивши затѣмъ передъ столомъ, на которомъ лежала карта генеральнаго штаба, и, повернувшись лицомъ къ начальнику штаба, замѣтилъ:

— Итакъ, адмиралъ, рѣшено. Ровно въ 11 часовъ вице-адмиралъ Бенесси уходитъ со всей эскадрой въ Валлону, захвативъ съ собою въ качествѣ стационеровъ «Пизу» и «Амальфи».

Надо во что бы то ни стало пустить ко дну турецкія суда «Хайреддинъ-Барбаросса», «Тургуть-Респъ» и сопровождающія ихъ подводныя лодки и вмѣстѣ съ тѣмъ заставить молчать тѣ немногія батарен, которыя все еще отвѣчаютъ на огонь албанцевъ.

— Не предполагаете-ли вы, адмиралъ, что неприятель, узнавъ о нашемъ движеніи на Валлону, предприметъ какое-нибудь дѣйствіе у Анконы?

— Тѣмъ лучше, другъ мой. Вѣдь вся наша цѣль и заключается въ томъ, чтобы вызвать его на бой. Пусть идетъ въ Анкону. Если же пѣтъ, мы закуперимъ его въ Погѣ. Но, конечно, не паломо. Какъ-нибудь мы выловимъ его и оттуда...

IV.

Эскадра крейсировала съ потушенными огнями на разстояніи 30 километровъ отъ побережья.

Начальникъ эскадры недавно только получилъ приказъ выпустить на развѣдки летательные аппараты. Приказъ уже былъ переданъ имъ на «Медитеранео» князю Эмбриако, который съ минуты на минуту ждалъ распоряженія главнаго адмирала. Князь все время поглядывалъ вверхъ, точно испытывая глазами теченіе атмосферы. На немъ была короткая шуба, какъ у шоферовъ, и беретъ съ кокардой. Летательные аппараты стояли наготовѣ. Матросы на силу удерживали командорскій аппаратъ. Палуба стонала отъ движеній винтовъ.

— Готово.—скомандовалъ Эмбриако, едва получивъ приказъ адмирала.

Въ мгновеніе, пробывавъ всего нѣсколько метровъ по палубѣ, желѣзныя птицы рванулись въ высь. Еще моментъ, и онѣ

уже были на высотѣ 100—110 метровъ, витая надъ флагманскимъ судномъ, надъ развѣдочными крейсерами и подводными лодками, которыя, точно чайки, то ныряли въ воду, то вновь выплывали на поверхность. За первыми тремя аппаратами съ палубы «Ионіо» и «Тиррено» послѣдовали скоро другіе. Вторая эскадра летательныхъ аппаратовъ, состоявшая подъ командой капитана Альгарди, едва поднявшись, по беспроводному телефону передала свой свѣтъ начальнику князю Эмбриако. Князь въ отвѣтъ приказалъ слѣдовать за нимъ. Обѣ эскадры поднимались все выше и выше, то разбиваясь, то снова соединяясь. Наверху все было тихо. Ночь была холодная. Въ небѣ горѣли звѣзды.

— Барометръ указываетъ 200,—сказалъ князь слѣдшему позади его офицеру-пилоту Дель-Пеццо.—это — самая подходящая высота для метанія снарядовъ. Измѣрьте-ка скорость вѣтра.

Они уже потеряли изъ виду эскадру, слѣдовавшую за ними, въ ожиданіи сигнала по беспроводному телеграфу. Эмбриако и его пилотъ молчали. Они слушали ревъ волнъ, разбивавшихся ритмически одна о другую. Вдали, на горизонтѣ, виднѣлись уже первые проблески дня. Временами небо и море сливались съ далекими сѣрыми тучами.

— Полковникъ, — сказалъ вдругъ пилотъ,—не кажется-ли вамъ?..

Князь Эмбриако, приставивъ къ глазамъ подзорную трубу, послѣ минуты вниманія кивнулъ головой.

— Не почтовый-ли? — снова спросилъ пилотъ.

Князь не отвѣтилъ. Смотрѣлъ вдаль. Черезъ минуту, однако, твердо скомандовалъ: — 1,500 метровъ.

Аппаратъ гигантскими прыжками вознесся вверхъ.

— Это — развѣдочное судно «Стернекъ», а, можетъ быть, «Виплингеръ». Я узнаю его по палубѣ.

— Не думаете-ли вы, князь, что онъ предшествуетъ дивизіи большихъ боевыхъ единицъ?—взволнованно какъ-то говорилъ пилотъ, душевно радуясь при мысли, что онъ переживаетъ важную историческую минуту.

— Итѣ, адмиралъ Монтефельтро едва-ли пойдетъ на такой рискъ. «Виплингеръ» идетъ, вѣроятно, въ Каттаро, въ качествѣ вспомогательнаго судна моторныхъ лодокъ... Будемъ держаться параллельно съ нимъ. Ускорилъ ходъ... Но постой, насъ, кажется, уже замѣтили.

Действительно, не прошло и минуты, как на очень близкомъ разстояніи раздался оглушительный взрывъ шрапнелей. Еще черезъ минуту за ними послѣдовали другіе. Было ясно: австрійское развѣдочное судно замѣтило неприятельскій аппаратъ и безпощадно забрасывало его шрапнелями.

— 2,000 метровъ, — командовалъ Эмбриако.

Ему важно было точно опредѣлить скорость хода австрійскаго развѣдчика, ибо безъ этого условія метаніе снарядовъ было бы совершенно бесполезнымъ. Въ то время, когда пилотъ опредѣлялъ скорость полета, Эмбриако инстинктивно нащупывалъ пальцами правой руки рычагъ аппарата, выбрасывающаго мины. Аэропланъ леталъ прыжками, то поднимаясь, то спускаясь, затрудняя, такимъ образомъ, прицѣлъ неприятеля. Шрапнели непрерывно разрывались вокругъ. Австрійцы не жалѣли снарядовъ. Видно было, что эта желѣзная птица причиняла имъ много заботъ.

— 200 метровъ.

Аппаратъ, точно ястребъ, бросился внизъ и вдругъ повисъ. Эмбриако и его пилотъ явно слышали угрозы австрійскихъ бомбардировъ.

Австрійцы бросали имъ проклятія по-итальянски. Это еще болѣе возмутило аэронавтовъ. Былъ моментъ, когда имъ показалось, что одна изъ неприятельскихъ шрапнелей чуть-чуть задѣла лѣвое крыло аппарата.

Едва успѣвъ повернуть руль минометателя, Эмбриако крикнулъ:

— Вверхъ всей силой!

И аппаратъ, точно подхваченный на могучихъ крыльяхъ, унесся мгновенно въ высь такими же огромными прыжками, какими онъ раньше спустился. Снова тихо стало кругомъ. Желѣзная птица подымалась все выше и выше. Барографъ указывалъ 3,000 метровъ. Достигнувъ этой высоты, командиръ и пилотъ почти одновременно взглянули другъ на друга. Потомъ Эмбриако машинально посмотрѣлъ внизъ. Австрійскій развѣдчикъ переживалъ, очевидно, агонию. Визъ отвернулъ глаза. Даже черезъ подзорную трубу ему не хотѣлось видѣть смерть неприятеля. Это разрушительное дѣйствіе, превращенное ими во мгновеніе ока, въ обстановку дѣйствительнаго боя, вызвало у отважныхъ воздушныхъ моряковъ какое-то глубокое чувство неудовлетворенности.

Черезъ нѣсколько минутъ Эмбриако, повернувшись къ пилоту, сказалъ:

— Миръ праху его. Смотри, вотъ онъ идетъ ко дну.

Главный адмиралъ съ капитанскаго мостика смотрѣлъ въ небо. Онъ съ минуты на минуту ждалъ прибытія летательныхъ аппаратовъ, которые уже дали знать о себѣ по беспроволочному телефону. Адмиралъ уже зналъ объ исходѣ столкновенія. Еще за часъ до того онъ получилъ извѣстіе, что большая часть неприятельскаго флота атаковала Анкону; другая неприятельская дивизія бомбардировала итальянское побережье близости Римини и разрушила огнемъ желѣзнодорожную линію и запасы угля, сосредоточенные у Католлика. Неподалеку отъ Анконы австрійскій крейсеръ «Бургиньонъ» захватилъ врасплохъ и потопилъ два итальянскихъ контръ-миноносца: «Безстрашный» и «Бурный». Австрійскія батареи въ Спидцѣ бомбардировали черногорскій портъ Антиварій.

Адмиралъ д'Аурія уже отдалъ приказъ итти на вѣхъ паряхъ навстрѣчу неприятельскому флоту, хотя и зналъ, что австрійцы не примутъ боя и во-время укроются въ Полѣ.

— Такъ именно и будетъ, — говорилъ онъ стоявшему рядомъ съ нимъ начальнику штаба, — нашъ милый Монтефельтро уйдетъ, несомнѣнно, въ Полу. Но другіе пункты побережья, съ которыхъ австрійцы ведутъ наблюденіе за нашей операціонной линіей въ Адриатикѣ, разубѣтся, не помѣшаютъ намъ соединиться съ нашей дивизіей «дредноутовъ», послѣ того какъ она выполнитъ возложенную на нее задачу.

— Такъ что, по-вашему, адмиралъ, по встрѣтивъ неприятеля въ открытомъ морѣ, мы остановимся въ Анконѣ?

— Едва-ли. Я предпочитаю предоставить оборону Анконы ея собственнымъ силамъ. Въ крайнемъ случаѣ, часть нашихъ подводныхъ лодокъ на нѣкоторое время займется тамъ охраной порта отъ плавучихъ минъ. Мы же побѣдимъ создавать для себя новый операціонный базисъ.

— Т. е. на неприятельскомъ побережьѣ?

— А гдѣ же еще?

V.

Въ отдѣльномъ вагонѣ лонискаго поезда депутатъ Манфредини, военный корреспондентъ римской «Национальной Мысли», дѣлился со своимъ товарищемъ по перу впечатлѣніями о началѣ войны и о послѣднихъ событіяхъ.

— Совершенно вѣрно,—говорилъ Манфредина.—18-го декабря произошло общее наступление австрийскихъ армій на нашу линію у Понтеббы. Планъ маршала Франкенштейна былъ великолепно разработанъ. Онъ преслѣдовалъ двоякую цѣль: во-первыхъ, разбить насъ на этой линіи въ первые же дни послѣ объявленія войны, а затѣмъ обхватить нашъ флангъ у Фриули. Но онъ упустилъ изъ виду одно—возможность желѣзной обороны нашихъ позицій, главнымъ образомъ, первой нашей арміей, и онъ былъ отброшенъ съ большими потерями герцогомъ Иврейскимъ. На нашемъ крайнемъ восточномъ флангѣ молниеносное контръ-наступление генерала Кавалли захватило австрийцевъ врасплохъ и, повидимому, разрушило ихъ планы.

— Говорятъ, что Франкенштейнъ уже не будетъ участвовать въ кампаніи.

Подобно Куроплаткину на поляхъ Манчжуріи, Франкенштейнъ выпросилъ себѣ теперь у императора подвѣдомственный постъ, а императоръ Францъ-Фридрихъ влялъ его просьбѣ и отправилъ его на сербскую границу. Его замѣститель, графъ Бюрмстеръ, собирается, очевидно, начать наступленіе со стороны Фриули, вляждая тѣмъ временемъ сосредоточенія русской арміи.

— Когда-же, наконецъ, закончится мобилизация Россіи?

— Фактически Россія послала на театръ военныхъ дѣйствій всего 350 тысячъ штыговъ. Это, конечно, мало, если принять во вниманіе, что Австрія вынуждена разбить свои силы на двѣ части и содержать подъ ручьемъ сто тысячъ человекъ въ Босніи и Герцеговинѣ для отраженія натиска короля Сербіи и Черногоріи, армія котораго въ смыслѣ подготовки и дисциплины превосходитъ всякія ожиданія. Слѣдовательно, разъ первоначальный планъ маршала Франкенштейна не удался, то у Австріи не остается ничего другого, какъ бросить всѣ свои силы на нашу границу у Фриули и обхватить наши фланги. Но есть основаніе думать, что русская мобилизация задержится на нѣкоторое время. Англійскія колониальныя войска, проходившія нынѣ черезъ Персію, представляють для южныхъ границъ Россіи очень серьезную угрозу; положеніе въ Финляндіи также вызываетъ нѣкоторое опасеніе у русскаго правительства; на Дальнемъ же Востоку передъ Россіей снова воскресаетъ призракъ японскаго калыта. Къ этому надо прибавить еще и нѣкоторое безпокойство за территоріи, соприкасающіяся съ Китаемъ. Вѣдь за послѣднее десятилѣтіе это госулан-

ство сдѣлало колоссальныя успѣхи въ смыслѣ преобразованія своей арміи...

На промежуточной станціи поѣздъ остановился. Журналисты вышли изъ вагона.

На перронѣ, окруженный толпой молодыхъ офицеровъ, стоялъ старшій пріятель журналиста, полковникъ инженерныхъ войскъ Тобиати.

— Въ Северномъ морѣ,—разсказывалъ онъ,—взорванъ на воздухъ плавающей миной англійскій пароходъ «Олимпикъ», въ 60,000 тоннъ водоизмѣненія,—тотъ самый, которымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ побитъ рекордъ судостроенія. Изъ Милана мнѣ только что сообщили по телефону потрясающія подробности этой катастрофы. Жертвой взрыва сдѣлалось 800 человекъ...

— Подводныя мины—самая ярая особенность нынѣшней войны. Еще задолго до объявленія войны, какъ извѣстно, Германія усѣяла свое побережье тысячами плавающихъ минъ. Поединковъ между англійскими крейсерами, отразившимися съ молниеносной быстротой къ германскимъ берегамъ для вылавливанія минъ, и частью германской крейсерской эскадры былъ полонъ трагизма. Нѣкоторыя подробности передамъ мнѣ на-дняхъ капитанъ первого ранга Монтеріо, нашъ морской аташе въ Лондонѣ. Германскіе крейсера были взорваны въ тотъ моментъ, когда они еще были нагружены горами плавающихъ минъ. Былъ взорванъ, между прочимъ, и русскій крейсеръ «Адмиралъ Макаровъ», специально приспособленный для разбрасыванія минъ. Германскій крейсеръ «Ифейль» наскокилъ на разбросанныя имъ самими мины и взлетѣлъ на воздухъ въ видѣ осколковъ. Словомъ, этотъ эпизодъ показываетъ еще разъ, насколько опасны плавающія мины для тѣхъ, кто ими пользуется. Какъ бы то ни было, англо-французскій флотъ возмѣстилъ себя за потерю «Олимпика», «Бреста», «Ренана» и «Форсайта», столь трагически погибшихъ отъ непріятельскихъ минъ.

— Что же слышно у насъ?—спросилъ полковника депутатъ Манфредина.

— Пока ничего. Король ночью выѣхалъ изъ Джемони и скоро будетъ здѣсь. Это доказываетъ, что мы здѣсь также стоимъ наканунѣ событий... Получены еще свѣдѣнія, что императоръ Францъ-Фридрихъ лично ведетъ свои войска въ атаку на наши позиціи. Главная квартира императора находится уже на итальянской территоріи, неподалеку отъ Пальманова. Это извѣстіе, доставленное развѣдочными дивизионами, подтверждено нынѣ телеграммой вѣнской

«Рейхспостъ», переданной по беспроволочному телеграфу черезъ Швейцарію.

Король прибылъ въ штабъ-квартиру безъ всякаго предупрежденія. Онъ предпочелъ явиться неожиданно не въ слѣдствіе недовѣрія къ начальствующимъ лицамъ, а исключительно изъ желанія не мѣшать ходу подготовительныхъ работъ.

Главный штабъ занималъ двухъэтажный домъ съ широкой террасой. Пройдя со свитой черезъ широкій коридоръ, король въ сопровожденіи флигель-адъютанта вошелъ въ большую комнату, гдѣ находились начальники штаба и подвѣдомственные ему чины. Въ комнатѣ стояло нѣсколько столовъ, покрытыхъ топографическими картами. Начальникъ генеральнаго штаба генералъ д'Олио стоялъ передъ однимъ изъ столовъ и внимательно разсматривалъ начертанныя на картѣ сипія и красныя линіи. Первымъ замѣтилъ входъ короля генералъ Алерамо, который что-то диктовалъ тремъ офицерамъ-стенографамъ. Генералъ быстро поднялся съ мѣста. За нимъ послѣдовали другіе. Но король, привѣтливо улыбнувшись, жестомъ попросилъ генерала не прерывать работы. Онъ сѣлъ на поданный ему стулъ рядомъ съ генераломъ д'Олио и полупропотомъ принялся бесѣдовать съ нимъ.

Въ одномъ изъ угловъ огромной комнаты какой-то полковникъ генеральнаго штаба по беспроволочному телеграфу отдавалъ краткіе приказы. Черезъ полуоткрытую дверь, ведущую налѣво, видѣлись въ смежной комнатѣ шесть-семь телеграфныхъ аппаратовъ, на которыхъ работали солдаты-специалисты подъ руководствомъ двухъ офицеровъ. Наслѣдныи принцъ, прикомандированный къ штабу, сидя рядомъ съ генераломъ Алерамо, внимательно слушалъ его объясненія. Скоро къ нимъ подошли король, генералъ д'Олио и адъютанты.

Объясненія генерала Алерамо были знакомы королю отчасти потому, что въ первые дни войны онъ лично находился въ районѣ восточной арміи, когда маршалъ Франкенштейнъ сдѣлалъ свою псевданиую попытку перевала черезъ горный кряжъ Адиги. Северная итальянская армія, состоявшая изъ пятого, шестого и восьмого армейскихъ корпусовъ, въ то время когда адмиралъ Ламберти оборонялъ восточную линію Алаги, между Понтоббой и Джемонай. Третьей арміи, если бы австрійцы проникли въ районъ Фриули, было поручено захватить лѣвый австрійскій флангъ и отбросить его къ морю, гдѣ стояли дивизіи генерала Кавалли; молодого опытнаго командира, который въ началѣ войны

уже отразилъ первый натискъ австрійцевъ въ Натизонѣ.

— Вы полагаете, генералъ,—спросилъ вдругъ король,—что неприятель наступаетъ на насъ со всеми своими силами?

Вопросъ, поставленный королемъ въ такой простой формѣ, выразалъ собою, въ дѣйствительности, основную задачу предстоящаго сраженія. Начальникъ генеральнаго штаба, взглянувъ сначала на генерала Алерамо, затѣмъ на наслѣднаго принца, отвѣтилъ, точно собравшись съ мыслями:

— Я жду съ минуты на минуту донесенія воздушныхъ развѣдчиковъ. Если, какъ ваше величество изволили предусмотрѣть, неприятель идетъ намъ навстрѣчу съ большими силами, то мы бой примемъ, и здѣсь, на этомъ полѣ битвы, рѣшатся судьбы войны, а также нашего отечества. Если же неприятель противопоставитъ намъ равныя силы, то отсюда можно будетъ заключить, что онъ получилъ изъ Россіи значительную помощь, которая и позволяеть ему разбить свои силы на нѣсколько частей и атаковать насъ одновременно на Альпахъ, съ тыла и у фланговъ.

— Но это еще не значитъ, что мы будемъ разбиты,—замѣтилъ съ улыбкой генералъ Алерамо.

Начальникъ генеральнаго штаба также улыбнулся.

Паркъ дирижаблей и аэроплановъ стоялъ неподалеку отъ главной квартиры, на противоположной сторонѣ шоссеиной дороги, которая вела къ артиллерійскому парку.

Депутатъ Манфредини и б. полковникъ Тобиати у входа въ одинъ изъ ангаровъ вели оживленную бесѣду съ полковникомъ Левисомъ, начальникомъ парка. Полковникъ ждалъ возвращенія двухъ аэроплановъ, вышедшихъ недавно на развѣдки.

Минутъ черезъ пять послѣ того, какъ королевскій моторъ, оставивъ штабъ-квартиру, скрылся изъ виду, къ ангару подошелъ какой-то офицеръ и замѣтилъ:

— Кажется, наши войска уже имѣли какую-то встрѣчу съ неприятелемъ.

— Гдѣ?—спросили съ любопытствомъ журналисты.

— Съ точностью не знаю, но на правомъ флангѣ...

Обернувшись къ полковнику Левису, офицеръ продолжалъ:

— Его превосходительство проситъ васъ къ себѣ.

Журналисты изъ любопытства направились къ дому, гдѣ помѣщался главный штабъ.

Странной показалась депутату Манфредини обстановка генеральнаго штаба. Онъ хотя и считалъ себя свѣдущимъ военнымъ критикомъ и даже авторитетомъ, но то, что онъ видѣлъ черезъ открытую дверь, показалось ему невѣроятнымъ. Генералы, усаженные звѣздами и орденами, сидѣли за какими-то столами и водили карандашомъ по разложеннымъ на нихъ картамъ; другіе, болѣе молодые офицеры, спокойно передавали по телефону краткіе приказы, безстрастно, безъ всякихъ признаковъ интереса къ дѣлу. Манфредини мысленно представлялъ себѣ наполеоновскія сраженія, когда генералиссимусъ, верхомъ на лошади скакалъ по полю битвы, смотря въ подозрную трубу, подбадривая войска и громовымъ голосомъ отдавая приказанія... «Неужели это главная квартира?»—думалъ онъ, но его вывелъ скоро изъ задумчивости полковникъ генеральнаго штаба, которому было поручено давать свѣдѣнія представителямъ печати.

— Могу вамъ сообщить слѣдующее извѣстіе,—обратился онъ къ журналистамъ,—оно только что послано главнокомандующимъ министру національной обороны:

«Сегодня, въ 11 часовъ 35 минутъ утра, королевское судно «Микель-Анджело» обнаружено на восточномъ побережьи непріятельскій армейскій корпусъ, который форсированнымъ маршемъ наступалъ на нашъ крайній правый флангъ, и открыло по немъ огонь.

«Съ трехъ часовъ дня, въ обстрѣлѣ непріятельскаго корпуса участвовала вся вспомогательная дивизія судовъ подъ командой адмирала Бенасси. Бой продолжается, огонь непріятельской артиллеріи до сихъ поръ причиняетъ нашимъ судамъ очень мало вреда».

— На сегодня хватитъ, господа. Сраженіе начинается. Завтра, повидному, бой возоборится по всей линіи. Честь имѣю кланяться.

★ ★ ★

Черезъ часъ, когда отъ воздушныхъ развѣдчиковъ были получены первыя извѣстія, генералиссимусъ итальянской арміи лично сталъ работать у аппарата беспроволочнаго телеграфа. Онъ вызвалъ поочередно начальниковъ дивизій, баттарейныхъ командировъ, и особенно долго велъ переговоры съ начальникомъ седьмой батареи генераломъ Алерамо, который недавно уѣхалъ съ королемъ. Послѣднему генералиссимусъ сообщилъ, что непріятельская пѣхота уже начала наступленіе.

Дѣйствительно, не прошло и пяти минутъ

послѣ этого разговора, какъ генераль Алерамо уже лично могъ убѣдиться въ правдивости указаній главнокомандующаго. Когда онъ вышелъ съ настѣднымъ принцемъ на террасу своей штабъ-квартиры, въ воздухѣ уже раздавались глухіе удары тяжелой артиллеріи.

«Флотская артиллерія»,—подумать генераль и вернулся въ комнату. Онъ снова подошелъ къ аппаратамъ беспроволочнаго телеграфа, отдалъ послѣдніе приказанія отдаленнымъ батареямъ и затѣмъ долго бесѣдовалъ по телефону съ королемъ, который въ то время находился со своей свитой въ покинутой мельницѣ, неподалеку отъ Джемны.

Надвигалась ночь. Австрійцевъ уже не было слышно. Очевидно, они выдвигали впередъ свою тяжелую артиллерію. Въ часъ ночи генераль Алерамо приказалъ дирижаблю «Римъ» выслѣдить съ большой высоты движеніе непріятели. Дирижабль поднялся въ 10 километрахъ отъ штабъ-квартиры. Ночь была темная. Плавали тучи... Подъемъ дирижабля остался незамѣченнымъ для солдатъ, окопавшихся въ траншеяхъ. Минуть черезъ 25 отъ него стали поступать по беспроволочному телеграфу первыя свѣдѣнія о расположеніи непріятельскихъ силъ. Почти одновременно съ южнаго фронта стали поступать донесенія о начавшемся наступленіи непріятели. Съ крайняго южнаго фронта генераль Виларди по телефону сообщалъ, что его батареи обстрѣливали непріятельскій дирижабль. Время отъ времени ночная мгла прорѣзывалась отронными прожекторами.

Приказъ о переходѣ въ атаку былъ переданъ въ нѣсколько секундъ по всему фронту арміи. Одновременно съ траншей поднялись на высоту 200 метровъ нѣсколько дирижаблей для наблюденія за дѣйствіемъ огня.

Бой начался.

Только въ 10 часовъ утра, на основаніи донесеній, полученныхъ съ различныхъ пунктовъ, начальникъ генеральнаго штаба могъ составить себѣ болѣе или менѣе точное представленіе о ходѣ боя.

Австрійцы, очевидно, двинули значительную часть своихъ силъ на югъ съ цѣлью обхвата итальянскихъ позицій. Это предсказывало и натискъ австрійцевъ на сѣверный итальянскій флангъ, хотя оттуда соответствующихъ донесеній еще не поступило. Безъ участія флота итальянцы едва-ли имѣли бы возможность предотвратить натискъ австрійцевъ. Во всякомъ случаѣ атака австрійцевъ была стремительная и упорная. Центръ итальянскихъ позицій вызывалъ у генералис-

симуса меньше беспокойства, хотя австрийский натиск был и здесь стремителен. Неприятельская пехота шла на штурм с рѣдкой отвагой, изъ чего начальникъ генеральнаго штаба заключалъ, что натискъ ведется русской пехотой. Однако, австрийцы, пытавшіеся въ теченіе ночи обхватить крайній правый флангъ генерала Кавалли, къ утру ослабили свое наступленіе. Становилось ясно, что въ этомъ пунктѣ они предпочитали смѣле оборонительныя цѣли.

Генералиссимусъ не видѣлъ надобности въ измѣненіи дислокаціи своихъ войскъ. Онъ предпочиталъ произвести контр-атаку только на тѣхъ пунктахъ, гдѣ неприятель казался болѣе слабымъ. Соответственно этому онъ и передалъ приказъ генералу Кавалли атаковать немедленно лѣвый флангъ австрийцевъ; центру же былъ данъ приказъ начать наступленіе по всей линіи. Король по телефону одобрилъ планъ генералиссимуса и, въ свою очередь, сообщилъ, что положеніе лѣваго итальянскаго фланга значительно улучшилось: большая часть австрийской артиллеріи была занята почти исключительно отраженіемъ огня съ итальянскихъ военныхъ судовъ, противъ которыхъ они пытались выдвинуть на разстояніи 8 километровъ отъ берега свою тяжелую артиллерію и гаубицы.

Въ полдень отъ генерала Дураццо поступило сообщеніе по беспроволочному телеграфу, что неприятель съ большими силами идетъ на общій штурмъ. Форты у Молапо безпрерывно отвѣчаютъ на огонь австрийцевъ. Такія же сообщенія поступили скоро и отъ генерала Ламберти, начальника второй итальянской арміи.

Не подлежало болѣе сомнѣнію: австрийцы уже успѣли сосредоточить свою вторую армію, значительную часть которой составляли русскіе полки. Не было болѣе сомнѣнія и въ томъ, что австрийцы численно превосходятъ итальянцевъ и что австрийскій генералиссимусъ пытается полукругомъ обхватить итальянскую армію. Императоръ Францъ-Фридрихъ своимъ убійственнымъ натискомъ на южный фронтъ замыкаетъ, очевидно, кольцо, которое обхватитъ итальянцевъ. Австрийцы не разбрасываются: они желаютъ, очевидно, добиться раньше успѣха здѣсь, въ районѣ Фриули, прежде чѣмъ двинуться на Адигу.

Во всякомъ случаѣ генералиссимусъ считалъ нужнымъ еще разъ передать командующимъ арміями приказъ: отстоять позиціи во что бы то ни стало, задержать наступленіе австрийцевъ до тѣхъ поръ, пока

третья итальянская армія не нанесетъ австрийцамъ пораженія въ районѣ Фриули.

Маршалъ Бюрмистеръ не могъ, конечно, не предвидѣть возможности столкновенія на своемъ лѣвомъ флангѣ,—столкновенія, въ которомъ участвовали бы и итальянскія военныя суда. Поэтому онъ своевременно и распорядился, чтобы къ побережью была придвинута тяжелая артиллерія.

Когда вечеромъ 29-го декабря онъ отдалъ приказъ о переходѣ въ наступленіе, установка артиллеріи еще не была закончена. Свѣдѣнія изъ турецкихъ источниковъ гласили, что итальянская вспомогательная эскадра все еще находится у Валлоны, и что итальянскія суда время отъ времени производятъ бомбардировку турецкаго побережья. Съ другой стороны, ему казалось невѣроятнымъ, чтобы ядро итальянскаго флота могло покинуть свой временный операціонный базисъ, съ котораго оно слѣдило за австрийскимъ флотомъ, блокированнымъ въ Полѣ. Маршалъ и императоръ рѣшили поэтому перейти къ наступленію незамедлительно, чтобы воспользоваться отсутствіемъ итальянской эскадры, занятой у Палы.

Какъ же, однако, итальянскіе дредноуты очутились вдругъ въ сѣверо-западной части Адриатики?

Объясненіе этой загадки императоръ получилъ 30-го декабря, во время хода боя, въ церкви деревни Санзено.

Соединенныя эскадры западныхъ державъ застали врасплохъ русско-турецкій флотъ у острова Тарсо. Русско-турецкія силы послѣ двухчасоваго боя, точные результаты котораго еще не были выяснены, отступили къ Дарданелламъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался начальникъ соединенныхъ эскадръ, греческій король, для того, чтобы часть своего флота отправить въ Валлоны для смѣны одной дивизіи итальянской вспомогательной эскадры. Возможно также, что появившіеся у турецкаго побережья, на югѣ отъ Валлоны, военныя суда принадлежали къ составу греческаго флота.

Для отраженія огня съ итальянскихъ судовъ австрийскій генеральнй штабъ выбралъ большую возвышенность, неподалеку отъ Латизана. Въ теченіе дня эта мѣстность была превращена въ цѣль фортовъ, на которыхъ были размѣщены батареи тяжелой артиллеріи.

Въ свѣтъ императора находились чины русской и австрийской арміи. Императоръ внимательно выслушивалъ каждый рапортъ. Казалось, что послѣднія донесенія о

дѣйствіяхъ итальянскихъ военныхъ судовъ на крайнемъ лѣвомъ австрійскомъ флангѣ не производили на императора никакого впечатлѣнія, какъ бы благоприятно они ни звучали. Дѣйствительно, какое значеніе могъ имѣть этотъ частичный успѣхъ, по сравненію съ той огромной побѣдой, которая ждала императора на всей линіи? Завѣтная его мечта близилась къ осуществленію. Война, къ которой онъ готовился почти цѣлыхъ десять лѣтъ, и которая такъ часто ускользала изъ его рукъ,—эта война становилась реальностью, фактомъ, дѣйствительностью. Онъ подготавливалъ ее, не щадя силъ и энергіи, и лично вникалъ въ мельчайшія подробности военной техники. Въ военныхъ арсеналахъ, въ крѣпостяхъ онъ былъ столь же свѣдущъ, сколько начальникъ генеральнаго штаба. Ни одинъ дипломатическій шагъ не совершался безъ его непосредственнаго участія и безъ бряцанія оружіемъ. Оно не жалѣлъ никакихъ средствъ для достиженія своей завѣтной цѣли. Онъ уже съ давнихъ поръ казался всему міру не столько союзникомъ, сколько соперникомъ императора германскаго. Пораженія, пережитыя австро-венгерской монархіей со времени битвы у Садовы, должны быть вычеркнуты со страницъ исторіи. Настанетъ день, когда скипетръ величайшей нѣмецкой имперіи уже не будетъ находиться въ рукахъ монарха-протестанта.

Почти наканунѣ объявленія военныхъ дѣйствій императоръ заставилъ свои народы признать наследниками трона дѣтей своихъ, рожденныхъ отъ морганатическаго брака, и его подруга жизни возсѣла, наконецъ, на габсбургскій тронъ, отъ котораго се столько времени держали вдали. Принцесса Зита, супруга эрцъ-герцога Карла-Франца, съ болью въ сердцѣ вспоминала теперь то далекое счастливое время, когда она, будущая императрица австрійская, занимала первое мѣсто среди изящныхъ эрцъ-герцогинь австрійскаго двора.

Одна мечта императора уже осуществилась, другая—была близка къ осуществленію, это—тотъ день, когда будетъ уничтожена военная мощь Италіи, и Сербія и Черногорія будутъ простираться у ногъ императора.

Русскіе и австрійскіе офицеры пространно комментировали послѣдніе фазисы сраженія, Императоръ, обернувшись неожиданно къ графу Дайкину, начальнику штаба генерала Алиповскаго, сказалъ:

— Maintenant cher comte irons nous visiter là Rosiera?

Императорскій кортежъ сталъ прибли-

жаться ко второй батарее, несмотря на то, что вокругъ иррадиации разрывались почти непрерывно. Итальянскіе военные суда забрасывали окружающую мѣстность разнокалиберными разрывными снарядами. Неподалеку отъ маленькой виллы, гдѣ помѣщалась императорская квартира, на холмѣ стояли двѣ австрійскія батареи. Императоръ со свитою поднялся на террасу, чтобы лучше наблюдать за ходомъ артиллерійскаго огня. Эскадра аэроплановъ все время витала надъ батареями, передавая по телефону свѣдѣнія о мѣстонахожденіи итальянскихъ судовъ. Но вдругъ австрійцы получили извѣстіе, что съ итальянскихъ судовъ также поднялась эскадра аэроплановъ. Австрійцамъ тотчасъ же было отдано приказъ полетѣть ей навстрѣчу. Итальянскіе аэроавты были въ большемъ числѣ, имъ же благоприятствовало и теченіе вѣтра. Тѣмъ не менѣе, встрѣча съ ними казалась возможной. Рѣчь шла, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы достигнуть большей высоты, чѣмъ итальянцы, ибо только въ такомъ случаѣ въ нихъ можно было бы бросить извѣстное количество снарядовъ; въ худшемъ же случаѣ это заставило бы итальянцевъ подняться на такую высоту, откуда наблюденіе за расположеніемъ австрійской артиллеріи было бы невозможно. Съ этой именно цѣлью австрійскіе аэропланы смѣло бросились навстрѣчу итальянскимъ, пытаясь воспрепятствовать дальнѣйшему ихъ подъему. Но итальянскіе аэропланы продолжали подниматься сомкнутой колонной.

Капитанъ Каневичъ, состоявшій раньше въ должности русскаго аташе въ Римѣ, скоро узналъ въ итальянскихъ аэроавтахъ офицеровъ первой воздушной эскадры флота.

— Voilà les aéros du Prince Embriaco,— замѣтилъ онъ флигель-адъютанту императора фонъ-Розенбергу, который сейчасъ же сообщилъ объ этомъ императору. Францъ-Фридрихъ съ трудомъ скрылъ чувство неудовольствія, вызванное у него воспоминаніемъ о первомъ ударѣ, нанесенномъ его флоту тѣмъ же аэроавтомъ, который теперь кружился въ воздухѣ. Въ это отвѣтъ онъ еще внимательнѣе сталъ слѣдить за одинокомъ аэропланомъ.

Становилось очевиднымъ, что австрійскіе аэропланы, какъ бы они ни были ихъ пилоты-офицеры, едва-ли выдержатъ долго поединокъ съ итальянскими аэропланами. Австрійцы рѣшили поэтому спуститься постепенно все ниже и ниже съ тѣмъ, чтобы вовлечь непріятельскіе аэропланы въ сферу огня австрійскихъ батарей. Непрѣятель по-

видимому, понял этот маневр и спокойно продолжал подниматься. Через несколько минут два итальянских аэроплана, отделившись от общей группы, молниеносно стали спускаться вниз. Капитану Каневичу еще до Риму был знаком этот астребидный спуск итальянских аэропланов.

Кругом затрещали пулеметы.

Всё взоры обратились в высь: Оба неприятельских аэроплана, описав круг на высоте 400 метров, вдруг рванулись в высь так же быстро, как раньше спустились. Но один из них на высоте 800 метров стал накрениваться на бок, сблал было попытку снова приобрести равновесие, снова накренился, а затѣм по вертикальной лини упал вниз в пяти километрах от Сансена.

— Неужели это капитанъ Эмбриако? — спросилъ адъютанта фонъ-Розенберга императоръ, сопровождая свой вопрос легкимъ движениемъ руки. И затѣм прибавилъ: — Однимъ изъ аэроплановъ во всякомъ случаѣ командовалъ онъ.

Выпадъ аэроплановъ, повидимому, принесъ нѣкоторую пользу эскадрѣ адмирала Бенасси, такъ какъ черезъ нѣсколько минутъ огонь съ итальянскихъ судовъ сильно оживился въ сторону Розьеры. Скоро установленная тамъ батарея была вся охвачена огнемъ съ итальянскихъ судовъ. Холмъ, на которомъ помѣщалась австрийская артиллерія, весь окутанный дымомъ, напоминалъ лѣвой кратеръ. Отъ расположенной поблизости пишевой роши углѣбло только нѣсколько деревьевъ. Солдатъ, обслуживавшихъ орудія, становилось все меньше и меньше. И тѣмъ не менѣе, убійственный огонь не прекращался. По приказу императора, остальные багарей должны были быть выдвинуты съ какими угодно потерями. Опершись о дерево, одинъ, безъ свиты, со скрепящими на груди руками, онъ смѣло смотрѣлъ смерти въ глаза, не взирая на падающія у его ногъ шрапнели. Его флигель-адъютантъ фонъ-Розенбергъ уже былъ увезенъ въ лазаретъ. Графъ Дайкинъ былъ убитъ. Одна изъ шрапнелей разорвалась въ двухъ шагахъ отъ императора. Безстрашный, онъ инстинктивно схватился за рукоятку шпата, вынулъ ее изъ ноженъ и, бросившись въ орудіемъ, лично сталъ отдавать приказанія, подбадривая молодыхъ офицеровъ. Такъ онъ остался до поздняго вечера, до тѣхъ поръ, пока всѣ двѣнадцать тяжелыхъ орудій не были двинуты на передовыя позиціи и когда въ подкрѣпленіе батареямъ подослѣли два батальона пѣшей артиллеріи.

★ ★ ★

Только утромъ 2-го января на станціи Тревизо депутату Манфредини удалось получить отъ подполковника Альберти болѣе или менѣе точное объясненіе событій послѣднихъ двухъ дней.

Состоя при квартирѣ командующаго 1-й арміи, подполковникъ обыкновенно имѣлъ довольно полное представленіе о различныхъ фазахъ боя, но, начиная со вчерашняго вечера, онъ сталъ теряться въ догадкахъ. Еще вчера утромъ въ главную квартиру 1-й арміи поступило сообщеніе, что генералъ Кавалли, успѣшно атаковавъ лѣвый флангъ австрийцевъ, отбросилъ ихъ бригады съ большимъ урономъ. Послѣ этого, при содѣйствіи лѣваго итальянскаго фланга, онъ столь же успѣшно атаковалъ и русскіе корпусы подъ начальствомъ ген. Ориновскаго, и выбилъ ихъ изъ позицій. Казалось, слѣдовательно, что итальянская армія одержала побѣду. Чѣмъ же объяснить въ такомъ случаѣ то обстоятельство, что, начиная съ минувшей ночи, отступление итальянской арміи стало совершившимся фактомъ?

Подполковникъ Альберти, раненный въ руку навывлетъ, говорилъ подавленнымъ голосомъ:

— Со стороны Альпъ у насъ нѣтъ никакихъ вѣстій; мы положительно ничего не знаемъ о судьбѣ Дураццо и Ламберти. Главнокомандующій, очевидно, ничто не сообщалъ третьей арміи о томъ, что происходитъ въ первой и второй. Я полагаю, что онъ сблалъ это умышленно, съ тѣмъ, чтобы третья армія дралась на собственный рискъ и страхъ и добилась побѣды...

Железнодорожный вокзалъ въ Тревизо все болѣе и болѣе оживлялся. Каждый 15—20 минутъ прибывали новые воинскіе поѣзда. Отступление совершалось, повидимому, въ полномъ порядкѣ. Тѣмъ не менѣе, офицеры и солдаты были подавлены. Они уже не дышали тѣмъ воздухомъ побѣды, который воодушевлялъ ихъ четыре дня тому назадъ, при проѣздѣ черезъ эту же станцію къ границѣ. На лицахъ начальниковъ явно читались слѣды пораженія. Съ однимъ изъ поѣздовъ въ Тревизо прибылъ товарищъ перу депутата, б. полковникъ Тобіати.

— Дивизіи генерала Дураццо болѣе не существуетъ. — сказалъ онъ, едва показавъ руку Манфредини. — Самъ генералъ палъ. Вотъ уже два дня, какъ форты Кадоры изолированы. Неприятельскія колонны перевалили черезъ кряжъ Сугана. Со стороны Понтеббы Ламберти отступаетъ въ полномъ порядкѣ, дорого пролаявъ неприятелю каждую пядь земли. Въ такомъ же порядкѣ отступаетъ и вторая армія.

хотя болѣе ускореннымъ маршемъ. Армія, оперировавшая въ Фріули, сегодня утромъ начала отступление, воспользовавшись побѣдой генерала Кавалли надъ правымъ австрійскимъ флангомъ, вслѣдствіе чего неприятель лишь въ возможности продолжать наступленіе. Кавалли прикрываетъ отступление съ тѣмъ, чтобы самому броситься вслѣдъ въ районъ Местре, откуда при содѣйствіи флота онъ приступитъ къ оборонѣ Венціи. Гарнизоны, расположенные раньше въ долинѣ Кадоры, взорвали тамешніе форты, для того, чтобы они не достались австрійцамъ.

VI.

Филиппо Ровани прибылъ въ Неаполь на яхтѣ «Репортеръ», 5-го января, послѣ того, какъ ему удалось быть очевидцемъ морской встрѣчи у острова Тарео. Оказалось, что его телеграфныя корреспонденціи о событіяхъ въ Нѣмецкомъ морѣ и въ восточной части Средиземнаго моря были искажены до неузнаваемости цензурой министерства національной обороны, которая не пропустила ни одного извѣстія ни о притовленіяхъ соединенныхъ западныхъ эскадръ и ихъ потеряхъ, и ни о морскихъ операціяхъ, произведенныхъ послѣ прохода русско-турецкаго флота черезъ Дарданеллы.

Встрѣча у острова Тарео не имѣла характера рѣшительной побѣды для западныхъ союзниковъ. Адмиралы Натиска и Юсуф-паша, дѣйствительно, отступили, но это не выражало собой уничтоженія русско-турецкаго флота. Турецкіе броненосцы «Магометъ V» и «Адрианополь» (старые, купленные у Германіи суда «Рейландъ» и «Позень») находились въ константинопольскомъ арсеналѣ для исправленія аварій, полученныхъ во время боя. Но англо-франко-греческій флотъ, въ свою очередь, также понесъ потери, въ томъ числѣ и гибель броненосца «Inflexible», который пошелъ ко дну со всемъ экипажемъ и съ адмираломъ Фриднеемъ.

Съ того дня въ Средиземномъ морѣ важныхъ событийъ уже не ожидалось; Филиппо Ровани собирался поэтому въ Сѣверное море, гдѣ рѣшительная схватка между англо-французскимъ флотомъ и русско-германскимъ казалась неизбежной въ ближайшемъ же будущемъ.

Уже прошло болѣе или менѣе продолжительное время съ тѣхъ поръ, какъ захваченные врасплохъ французскіе крейсера «Кюне» и «Вальдекъ-Руссе» были потоплены третьей германской дивизіей. Съ того дня

морской поединокъ между Англійей и Франціей, съ одной стороны, и Германіей и Россіей, съ другой, выражался почти исключительно во взаимныхъ минныхъ нападеніяхъ и въ каперской войнѣ. Германія и Россія, располагавшія менѣе значительными морскими силами, избѣгали рѣшающей схватки. Вильгельмсгаузенъ и Брюксботель служили ихъ главными операціонными базами, причемъ опорными пунктами флота являлись Бремегаменъ и Куксгаузенъ. Западные союзники, напротивъ, старались ускорить рѣшающую схватку. Пользуясь своимъ относительнымъ господствомъ на морѣ, они парализовали экономическую жизнь Германіи. Два единственныхъ пути германской морской торговли—черезъ Ламаншъ и черезъ Сѣверное море, между Норвегіей и Шотландіей, были закрыты для нея. Каперская война велась Англійей и Франціей безпощадно. Общее положеніе, вслѣдствіе этого, достигло такой остроты, что рѣшающая схватка казалась неизбежной со дня на день.

Въ Тихомъ и Индійскомъ океанахъ борьба за господство на морѣ была уже рѣшена. Германія и Россія сдѣлали было попытку каперской войны, выславъ военныя суда изъ Владивостока и Кіао-Чао, навстрѣчу англійскимъ торговымъ судамъ, поддерживавшимъ сношеніе между Индіей и метрополіей, но эта попытка не увѣчалась успѣхомъ. Британскія военныя суда скоро потопили германскіе бронированные крейсера «Тигръ» и «Ягуаръ»; другіе были загнаны обратно въ Кіао-Чао, третьи же были вынуждены разоружиться въ нейтральныхъ портахъ.

Съ сербско-черногорской границы свѣдѣнія были скудны. Цетинье подверглось бомбардировкѣ со стороны Катарро; четы въ Босніи и Герцоговинѣ все еще вели упорную борьбу съ австро-венгерскими летучими колоннами; сербскіе гарнизоны и укрѣпленія на перевалахъ Дуны держались стойко.

На восточной французской границѣ германская армія, слѣдуя своимъ традиціямъ, сейчасъ же послѣ объявленія войны перешла въ наступленіе и сдѣлала попытку укрѣпиться въ Аргоннѣ, съ цѣлью помѣшати дальнѣйшей концентраціи французской арміи въ сѣверныхъ пограничныхъ районахъ. Но это наступленіе, выполненное съ относительно слабыми силами, не имѣло успѣха, такъ какъ еще до того, какъ нѣмцы успѣли укрѣпиться по ту сторону Мозеля, французская мобилизація была уже закончена. Наступательное движеніе германской арміи было приостановлено у воротъ такъ называемаго «железнаго барьера». Императоръ угро-

жалъ теперь Франціи со стороны бельгійской границы. Много признаковъ говорило за то, что и здѣсь скоро наступитъ рѣшающій фазисъ войны.

Прибывъ на другой день въ Римъ, Филиппо Ровани изъ разговоровъ съ редакторомъ «Италіи» и другими товарищами по редакціи вынесъ впечатлѣніе, что, за отсутствіемъ подробностей съ театра войны, публика сильно заинтересовалась внутренними политическими событіями.

Послѣ отступленія итальянской арміи отъ Фриули печать и общественное мнѣніе безпощадно критиковали образъ дѣйствія высшихъ военныхъ властей, приведшихъ армію къ пораженію. Главнокомандующаго генерала д'Олио порицали за то, что онъ принялъ бой въ Фриули, изолировавъ гарнизоны, расположенные въ долинахъ Кадоры, его обвиняли въ дерзительности и малодушіи. Вѣра во флотъ еще существовала, и публика съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждала съ минуты на минуту официальной телеграммы главнаго командира флота адмирала д'Аурія о роковыхъ событіяхъ.

Общее недовольство страны въ послѣдніе дни стало принимать новый оборотъ. Изъ венеціанской провинціи, наводненной австрійскими корпусами, римскія газеты напечатали рядъ корреспонденцій о томъ, что папа послѣ отступленія итальянской арміи послалъ императору Францу-Иосифу поздравительную телеграмму по поводу одержанной имъ побѣды. Это извѣстіе вызвало глубокое чувство возмущенія во всей Италіи. Въ Миланѣ, Туринѣ и Пармѣ уже произошли бурныя демонстраціи передъ дворцами епископовъ. Въ Туринѣ толпа подожгла какую-то церковь. Въ самомъ Римѣ на ближайшее воскресенье демократическими партіями были назначены митинги протеста на Кампо-ди-Фіорѣ и шествіе по городу. Толпа демонстрантовъ уже успѣла забросать камнями австро-венгерскую семинарію, хотя семинаристы уже уѣхали отсюда со дня объявленія войны. Въ Ватиканѣ наблюдалось подавленное настроеніе. Еще въ день пріѣзда Ровани въ Римъ официальный органъ Ватикана «*Monitore Cattolico*» сообщилъ, что святѣйшій отецъ вознеситъ молитвы о скоромъ прекращеніи взаимнаго кровопролитія между христіанскими народами. Это сообщеніе не вырвало себѣ изъ проволочекъ слуховъ о поздравительныхъ телеграммахъ императору, и первое настроеніе въ Римѣ продолжало расти.

Презавтракъ на другой день послѣднія полчища въ римскія провинціи корреспонденцій и телеграммы, Филиппо Ро-

вани случайно попалъ на слѣдующее краткое сообщеніе, переданное по телефону изъ Кастеллармарѣ въ Адриатикѣ:

«Сегодня въ 9 час. утра яхта «Марія», принадлежащая князю Франжипанѣ изъ Рима, войдя въ портъ, задѣла носомъ парусное судно «Антуанетта» и отбросило его къ молу. Изъ экипажа «Антуанетта» погибли при этомъ рулевой и два матроса. Капитанъ яхты, кавалеръ Франческо Модика, былъ задержанъ, а затѣмъ освобожденъ подъ залогъ, высланный по телеграфу изъ Рима».

Еще три дня тому назадъ Филиппо Ровани видѣлъ ту же яхту, принадлежавшую князю Франджипанѣ, первому камергеру святѣйшаго отца, въ неаполитанскомъ порту. Какимъ образомъ она очутилась вдругъ въ Адриатикѣ?

Ровани скрылъ эту замѣтку отъ своихъ товарищей по редакціи.

— Слушай, Томазетти, — сказалъ онъ своему шоферу, вызванному немедленно по телефону, — ты вѣдь знаешь моторъ князя Франджипанѣ?

— Еще бы! У него цѣлыхъ четыре, но лучший, это — «Пачинотти» съ электрической тягой.

— Въ случаѣ надобности ты взялся бы погнаться за нимъ?

— Будьте совершенно спокойны, отсюду въ Неаполь я далъ бы ему полчаса впередъ.

— Отлично, а шофера князя знаешь?

— Онъ старый мой пріятель.

— Ну, такъ слушай, голубчикъ...

Ровани удалился съ шоферомъ въ глубь комнаты и что-то сталъ нашептывать ему на ухо, временами оглядываясь.

Когда шоферъ ушелъ, Филиппо Ровани отправился въ министерство національной обороны, гдѣ онъ сейчасъ же былъ принятъ министромъ Леонати. Еще въ тотъ же день онъ рѣшилъ повидаться съ монсеньоромъ Константинномъ Эмбриако, бывшимъ епископомъ-модернистомъ, впавшимъ въ немилость у Ватикана, братомъ своего стараго пріятеля, начальника эскадры военныхъ аэроплановъ, князя Эмбриако. Доступъ къ прелату, жившему уединенно въ скромной виллѣ по ту сторону Санъ-Паоло, былъ очень затруднителенъ, и Ровани пустился поэтому на военную хитрость. Секретарю прелата, герцогу Бельджирати, который заподозрѣлъ въ немъ интервьюера, онъ заявилъ, что ему нужно передать прелату секретное сообщеніе, переданное ему братомъ монсеньора, княземъ Джованни Эмбриако.

Однако, въ кабинетѣ прелата журналистъ сразу же былъ вынужденъ признаться въ истинной цѣли своего прихода.

— Я имѣю основаніе думать, монсеньоръ, что папа готовится къ побѣгу изъ Рима.

Лицо прелата переосмыслилось отъ этихъ словъ. Но Ровани не далъ ему опомниться, а одно за другимъ сталъ высказывать ему свои подозрѣнія. Онъ разсказалъ прелату о загадочномъ путешествіи яхты «Марія» въ Кастеллармарэ и объ опытахъ, которые, по свидѣтельству его шофера Томазетти, производятся непрерывно въ гаражѣ князя Франджипанэ съ различными системами моторовъ.

— Васъ, вѣроятно, удивитъ, что все это я счелъ нужнымъ сообщить вамъ. Правду говоря, я хотѣлъ только пополнить свои собственные свѣдѣнія. Я знаю, что въ Ватиканѣ у васъ, монсеньоръ, много преданныхъ друзей. Такъ не будете ли вы столь любезны пригласить ихъ къ себѣ и дать мнѣ возможность поговорить съ ними. Я ничего не требую и ничего другого не добиваюсь... Я не стану спрашивать васъ о томъ, что вы сдѣлаете въ тотъ день, когда престолъ святого Петра останется вакантнымъ... послѣ бѣгства папы...

Разговоръ между прелатомъ и журналистомъ принялъ скоро интимный характеръ. Новая бесѣда была ими назначена на слѣдующій день.

Ровани повидался еще съ герцогомъ Бельджирати и старымъ прелатомъ Трезани, авторитетнѣйшимъ вождемъ реформистской партіи въ Ватиканѣ. Отъ нихъ узналъ рядъ интереснѣйшихъ данныхъ въ подтвержденіе возникшаго у него подозрѣнія. Святѣйшимъ престоломъ за послѣднее время были произведены рядъ крупныхъ финансовыхъ операцій съ австрійскими банками; двѣ чрезвычайно важныя политическія миссіи были поручены Ватиканомъ графу Шверцу фонъ Бейлингену и прелату Бональди.

Герцогъ Бельджирати сталъ скоро раздѣлять мысль Ровани о предстоящемъ побѣгѣ папы.

Герцогъ, секретарь главы модернистской партіи въ Ватиканѣ, разсуждалъ:

— Я еще не знаю, что наша партія сдѣлаетъ на другой день послѣ бѣгства папы. Я—рѣшительный противникъ учрежденія въ Италіи національной церкви. Во всякомъ случаѣ форсировать событій мы не станемъ. Если папа, дѣйствительно, покидаетъ Ватиканъ, то это доказываетъ только то, что ближайшіе совѣтники святѣйшаго пре-

стола убѣдились въ несостоятельности борьбы съ новымъ теченіемъ, обнаружившимся въ нашемъ духовенствѣ...

Поздно вечеромъ Филиппо Ровани отправился въ яхт-клубъ и вызвалъ оттуда своего стараго пріятеля герцога Делла Ровера. Молодой аристократъ, бывшій въ большомъ выигрышѣ, былъ очень радъ вызову. Онъ вышелъ навстрѣчу Ровани съ сіяющимъ лицомъ, просунувъ руки въ карманы брюкъ, откуда торчали смятыя кредитки. Герцогъ Делла Ровера, камергеръ папы, былъ страстный игрокъ, и только великодушіе дяди кардинала давало ему возможность покрывать свои крупныя проигрыши.

— Очень хотѣлось бы знать,—началъ журналистъ,—что у васъ въ Ватиканѣ происходитъ.

— Происходить? Г-мъ... Ничего... Его святѣйшество хорошо спалъ, обѣдалъ съ аппетитомъ, изволилъ замѣтить, что итальянская кухня не уступаетъ нѣмецкой. Сейчасъ его святѣйшество бесѣдуетъ по-нѣмецки съ кардиналомъ Алинати, который отвѣчаетъ ему на генуэзскомъ нарѣчьи—очаровательный дуэтъ! Завтра утромъ онъ приметъ въ аудіенціи дамъ-патронессъ католическаго союза, которыя представятъ ему петицію о необходимости вмѣшательства въ пользу мира; затѣмъ послѣдуетъ концертъ священной музыки и докладъ кардинала Майера... И подумать только, что завтра я —дежурный...

— Тѣмъ пріятнѣе для меня, потому что я хотѣлъ просить тебя позволить мнѣ побѣхать съ тобой вмѣстѣ въ отличнѣйшемъ «Limousine» въ Ватиканъ.

— Для какой цѣли?

— Ни для какой. Мнѣ хочется просто пробыть завтрашній вечеръ во дворѣ Ватикана въ моторѣ.

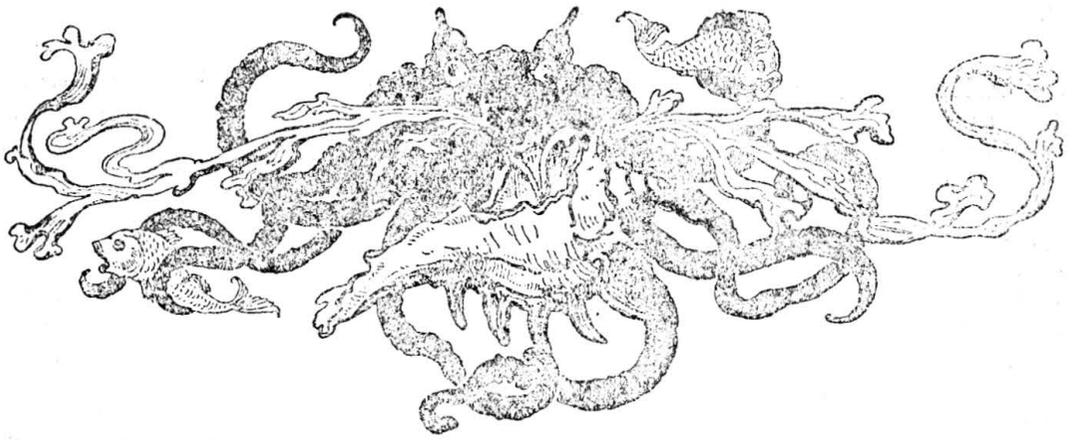
Молодой герцогъ задумался.

— Только во дворѣ?—замѣтилъ онъ съ выраженіемъ сомнѣнія въ лицѣ. — Надѣюсь, что это не простой трюкъ журналиста... Впрочемъ, я начинаю понимать: ты желалъ бы имѣть болѣе обстоятельный отчетъ объ аудіенціи дамъ-патронессъ, чѣмъ остальные твои коллеги? Не такъ-ли?

Черезъ нѣсколько секундъ онъ прибавилъ, причѣмъ лицо его снова приняло беззаботное выраженіе:

— Чего только не подумаютъ, когда увидятъ, что я въѣзжаю въ Ватиканъ въ такомъ моторѣ! Скажутъ, пожалуй, что дядя кардиналъ уже умеръ...

Конецъ 1-й части.

Война народовъ.

(1921—23 г.).

Романъ въ двухъ частяхъ коменданта Инсъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

VI.

Назначивъ часъ для новой встрѣчи съ герцогомъ и распрощавшись съ нимъ, Филиппо Ровани сталъ рисовать себѣ вѣроятную цѣпь событий. Тайшественное путешествие яхты «Марія»; свѣдѣнія, полученные отъ прелата Трезани являлись вѣскими данными въ подтвержденіе мысли о бѣгствѣ папы. Еще больше убѣдила его вѣзетомъ бесѣда съ герцогомъ Делла Роверэ. Приемъ дамъ-патронессъ, а главное, концертъ священной музыки устраивались, очевидно, для того, чтобы устранить всякое подозрѣніе по поводу сосредоченія значительнаго числа моторовъ во дворѣ Ватикана въ поздній вечерній часъ. На другой день кардиналъ Аринати долженъ былъ служить обѣдню въ храмѣ святого Петра; такимъ образомъ, весь слѣдующій день былъ въ распоряженіи папы для того, чтобы незамѣченнымъ достигнуть Адриатическаго побережья.

«Но, быть можетъ, все это плодъ возбужденной фантазій?»—думалъ Ровани, въ десятый разъ останавливаясь на цѣпи грядущихъ событий. «Бѣжать изъ Рима—съ какой стати и для чего? Изъ боязни передъ народными демонстраціями? Изъ боязни за свою жизнь? Вѣдь папа прекрасно знаетъ, что никто ему дурного слова не скажетъ и что итальянское правительство болѣе другихъ заинтересовано въ предотвращеніи всякихъ

инцидентовъ... А, быть можетъ, всѣ эти демонстраціи являются только провокаціоннымъ предлогомъ для того, чтобы возбудить общественное мнѣніе противъ итальянскаго правительства? Не можетъ же Ватиканъ не знать, что бѣгство папы изъ Рима вызоветъ еще болѣе болѣе расколъ въ католической церкви, что это приведетъ къ окончательному разрыву между Италіей и официальной церковью, какъ это произошло нѣсколько лѣтъ тому назадъ между французской республикой и римской куріей»...

Вечеръ тихо спускался на дворъ Ватикана, гдѣ уже стояло около 15 моторовъ и еще больше частныхъ экипажей и каретъ.

Филиппо Ровани, одѣтый въ шубу, сидѣлъ рядомъ съ шофферомъ и наблюдалъ за моторами князя Франджипанэ. Онъ уже давно ихъ замѣтилъ. Это были машины «Лимузинъ»; въ первомъ пріѣхалъ князь Камилло, тайный совѣтникъ Ватикана, въ другомъ—его сынъ Бенедетто и его жена. Скоро, однако, молодая чета уѣхала назадъ въ открытомъ экипажѣ князя Франджипанэ. Это послужило для Ровани нагляднымъ доказательствомъ того, что одинъ изъ моторовъ предназначенъ для кого-то другого.

Какое-то странное волненіе охватило его при этомъ. Былъ даже моментъ, когда ему казалось, что онъ потерялъ изъ виду одинъ изъ моторовъ. Онъ соскочилъ тогда со сво-

его сидѣнья и нервно сталъ оглядываться по сторонамъ. Дѣйствительно, одинъ изъ моторовъ исчезъ. Ровани уже готовился вскочить снова на моторъ и приказать Томазетти пустить машину со всей силой для преслѣдованія бѣглецовъ, но, послѣ нѣкотораго раздумья, пришелъ къ мысли, что моторъ не могъ такъ быстро исчезнуть со двора Ватикана, что онъ, повидимому, только перемѣнилъ мѣсто стоянки.

«Нѣтъ, я не могъ ошибиться,—думалъ онъ почти вслухъ, снова оглядываясь по сторонамъ,—вѣдь я все время не спускалъ глазъ съ него»...

Черезъ нѣсколько минутъ у одного изъ выходовъ папскаго дворца появился князь Камилло въ сопровожденіи барона Эслингенъ-Брюнъ и уругвайскаго маркиза Дель-Помба,—двухъ тайныхъ камергеровъ папы, которые другъ друга ненавидѣли хотя судьба заставляла ихъ быть всегда вдвоемъ.

«Вотъ надлежащій моментъ,—подумалъ Ровани при видѣ этихъ лицъ.—Если папа дѣйствительно собирается бѣжать, то онъ очень скоро появится, ибо только при наличности большаго числа моторовъ и экипажей во дворѣ его отъѣздъ можетъ остаться незамѣченнымъ».

Точно въ подтвержденіе его мыслей, въ ту же минуту значительное число моторовъ и экипажей стало занимать очередь у одного изъ выходовъ. Центральная часть двора стала пустѣть. Ровани бросилось въ глаза, что всѣ остальные выходы и лѣстницы охраняются отрядами швейцарской гвардіи.

Князь Камилло и оба камергера молча поглядывали на рѣдѣвшіе ряды моторовъ, а затѣмъ вдругъ перевели взглядъ на прекрасную машину «Лимузинъ», которая все еще осталась въ центрѣ двора. Журналисту показалось, что они вотъ-вотъ подойдутъ къ нему и спросятъ, кого онъ дожидается. Но онъ немедленно нашелъ выходъ изъ затруднительнаго положенія. Онъ мгновенно соскочилъ съ сидѣнья, снялъ беретъ, открылъ дверцу мотора и, точно внутри кто сидѣлъ, низко поклонился, затѣмъ опять заперъ дверцу, стремительно забрался на свое сидѣнье и громко крикнулъ шофферу: «пошелъ».

Къ счастью, не всѣ моторы успѣли еще выѣхать со двора Ватикана. Ровани занялъ новую очередь и, точно ничего не случилось, снова сталъ наблюдать за тѣмъ, что происходило у выходовъ.

Тѣмъ временемъ, по знаку князя Камилло, оба камергера сѣли въ моторъ. У входа остался одинъ князь, который все время продолжалъ смотрѣть въ глубину двора. Че-

резъ нѣсколько секундъ Ровани показалось, что подъ одной изъ арокъ открылась дверь.

Онъ крѣпко сжалъ руку своего шоффера, до того крѣпко, что Томазетти чуть не вскрикнулъ отъ боли.

— Молчи, молчи,—зажалъ ему ротъ Ровани.

Тайственный моторъ, стоявшій все время въ центрѣ двора, тихо подошелъ къ аркѣ, изъ-подъ которой открылась дверь.

— Взгляни-ка, Томазетти, не этотъ-ли моторъ мы прежде потеряли изъ виду?

— Онъ, синьоръ. Но смотрите, какъ они его подготовили для долгаго путешествія!

Ровани не спускалъ больше глазъ съ арки, подъ которой, по его расчету, должна была скоро появиться худощавая фигура папы.

— Интересно, какъ онъ будетъ переезжать,—думалъ Ровани вслухъ,—должно быть, какъ простой священникъ.

Но никто не появлялся. Тайственный моторъ занялъ очередь позади машины Ровани; слѣдующее мѣсто за нимъ занялъ моторъ, въ которомъ сидѣлъ князь Камилло.

«Что же это такое?—спрашивалъ себя Ровани. — Гдѣ же папа? Или я, дѣйствительно, дуракъ?»

Но въ тотъ же моментъ свѣтлая мысль озарила его лицо.

«Папа уже внутри».

Онъ весь превратился тогда въ слухъ и зрѣніе.

«Не донесется ли какой-нибудь голосъ изъ закрытаго мотора?»

Ряды автомобилей рѣдѣли, но медленно. Приходилось ждать. Часы пробили семь. Въ моторѣ «Лимузинъ» стало замѣтно какое-то движеніе. Шофферъ соскочилъ съ сидѣнья и пошелъ звать князя Франджипанѣ. Князь мгновенно подошелъ къ дверцамъ.

— *Habt Ihr alles bereit, Don Camillo?*—спросилъ по-нѣмецки сдавленный голосъ.

— Все, монсьеуръ,—отвѣтилъ князь, странно ударяя на послѣднемъ словѣ.

Ровани вздрогнулъ.

«Слава Богу, я не ошибся».

★ ★ ★

Первое извѣстіе о бѣгствѣ папы Филиппо Ровани послалъ изъ Аввилы, опередивъ папскій моторъ минутъ на десять.

Префекту Анконы была послана немедленно телеграмма командировать въ Кастельмару линейные корабли «Санъ-Марко» и «Амальфи». Судамъ приказано было идти на всѣхъ парахъ. Начальнику порта, капитану перваго ранга Карминіани, было поручено предоставить его святѣйшеству свободный пропускъ для яхты «Марія» и по-

ную свободу передвиженія въ линіи итальянскѣй блокады.

Папа остановился въ отелѣ «Адриатика» подъ вымышленнымъ именемъ монсиньора де-Мондѣ; онъ не зналъ, что итальянское правительство уже поставлено въ извѣстность о его побѣгѣ изъ Рима. Но скоро статсъ-секретарь, кардиналъ Фюрстеръ, съ удрученнымъ видомъ доложилъ его святѣйшеству, что какой-то офицеръ королевскаго флота настойчиво проситъ быть принятымъ лично папой. Волненіе папы при этихъ словахъ было велико, хотя во внѣшности оно ни въ чемъ не обнаруживалось. Папа всталъ, выпрямился во весь ростъ и умышленно сбросилъ съ себя черную мантию.

— Примите его въ смежной комнатѣ, — сказалъ онъ по-нѣмецки, — я буду его ждать здѣсь.

Когда кардиналъ вышелъ, какое-то новое чувство, неиспытанное до тѣхъ поръ, вкралось неожиданно въ душу папы. Въ глубинѣ души онъ еще сожалѣлъ о томъ, что ему еще разъ придется воспользоваться любовью итальянскаго правительства, но величіе цѣли, къ которой онъ стремился, затемняло собою жертву, и чѣмъ больше онъ представлялъ себѣ ближайшее будущее, тѣмъ сильнѣе захватывало его новое радостное чувство.

— Свободу выѣзда всѣмъ, за исключеніемъ итальянскихъ подданныхъ...

Всѣ молчали.

Папа рѣшилъ отложить свой отъѣздъ до слѣдующаго дня. О его отъѣздѣ все равно уже узнали, такъ ужъ лучше отдохнуть день.

А ночью къ Кастилямарѣ прибыли линейные корабли «Санъ-Марко» и «Амальфи» — суда, отличившіяся нѣсколько лѣтъ тому назадъ во время триполитанской кампаніи. Отъѣздъ былъ назначенъ на 7 часовъ утра. Но еще задолго до того, отрядъ моряковъ съ военныхъ судовъ шпалерами выстроился по дорогѣ, ведущей отъ гостиницы въ портъ. Густая толпа народа стояла позади солдатъ. Ровно въ четверть седьмого папа, въ сопровожденіи кардинала, статсъ-секретаря, монсиньора Юганта и двухъ камердинеровъ, вышелъ изъ гостиницы. На святѣйшемъ отцѣ была простая черная мантия, изъ-подъ которой во время ходьбы выглядывала бѣлая, какъ снѣгъ, сутана. Лицо у него было блѣдное, чуть помътое. Увидѣвъ солдатъ, онъ гордо поднялъ голову, взглянувъ въ глаза офицеру, салютовавшему саблей. Толпа насторожилась. Но никто не бросился на колѣни — объ этомъ распорядилось начальство. Папа, въ свою

очередь, также не поднялъ руки для благословенія вѣрующихъ. Послѣ первыхъ же шаговъ онъ сталъ ускорять ходъ, уже не глядя болѣе на солдатъ и на толпившійся позади нихъ народъ.

Въ тотъ моментъ, когда онъ вступилъ ногой на палубу, на гротъ-мачтѣ «Маріи» звякнулъ штандартъ Ватикана. Линейные корабли «Амальфи» и «Санъ-Марко» салютовали изъ орудій. Ровно въ семь часовъ яхта подняла якорь. Минноносцы «Стрѣлокъ» и «Пика», какъ два дельфина, бросились впередъ; велѣдъ за ними тронулись оба линейныхъ корабля. Съ толпы, собравшейся на пристани, не послѣдовало ни одного взгляда. Всюду царилъ тишина.

Напротивъ, шумно и радостно была встрѣчена яхта «Марія» въ тотъ же вечеръ по ту сторону Адриатики, на австрійской сторонѣ. Весело звонили колюкола, радостно гремѣла крѣпостная артиллерія. Его императорское и королевское апостолшеское величество императоръ Францъ-Фридрихъ ждалъ папу въ Вѣнѣ, городѣ, избранномъ для будущей резиденціи Ватикана.

VII.

Сраженіе у Полы.

Главный адмиралъ итальянскаго флота уже съ первыхъ дней войны точно установилъ свой планъ дѣйствій.

Задача, порученная въ началѣ кампаніи вспомогательной эскадрѣ, превратила Валоу въ неизвѣстный операціонный базисъ албанскихъ революціонеровъ, влѣдствіе чего Турція была лишена возможности напасть съ тыла на сербско-черногорское королевство. Операціи главной эскадры еще не увѣнчались положительными успѣхами. Австрійцы, закупоренные въ Полѣ, оставаясь вѣрными тактикѣ, преслѣдовавшейся другими частями ихъ флота, до безконечности затягивали рѣшительную схватку на морѣ; они ждали исхода сухопутныхъ операцій съ тѣмъ, чтобы внезапно броситься затѣмъ на итальянскія морскія силы, уставшія отъ веденія блокады и ослабленныя влѣдствіе частичныхъ потерь, которыя имъ были бы причинены дѣйствіемъ подводныхъ лодокъ и огнемъ изъ фортовъ.

Наступленіе австро-русской арміи къ концу зимы было совершившимся фактомъ по всей операціонной линіи. Итальянская армія, разбитая на грацицѣ и вынужденная къ отступленію, съ трудомъ держалась на послѣднихъ своихъ трапезлахъ.

Въ сербско-черногорскомъ королевствѣ маршалъ Вельберъ наступалъ медленно, но увѣренно. Король Данила, загнанный въ

горы, упорно держался на своих позициях, превосходно приспособленных для обороны и партизанской войны. Он вел эту войну на голых утесах, в ущельях, причиняя австрийцам безчисленные потери. Но окончательная победа австрийцев была лишь вопросом времени.

Турецкая армия уже находилась на греческой территории, отступая шаг за шагом корпус короля Амедео. Германия, в свою очередь, послѣ второго натиска на французскій «железный барьеръ» наступала на Бельгію и угрожала Антверпену. Россія же продолжала стягивать у своихъ трехъ границъ свои безчисленные резервы.

Англо-французскій флотъ отвѣтилъ на нарушеніе нейтралитета Бельгіи блокадой проливовъ Гересъ, Броверсгаветъ и восточной Шельды, бомбардировалъ Флисингенъ, и овладѣлъ ея внутренними водами. Береговья укрѣпленія Флисингена, на которыя, начиная съ 1911 года, затрачивалось по 25 миллионѣв флориновъ въ годъ, очень слабо отвѣчали на огонь судовой артиллеріи. Голландскій военный флотъ оставался занертымъ въ Ихмунденъ. Нидерландское правительство сознавало, что занятіе ея богатыхъ азіатскихъ колоній и полный параличъ морской торговли Амстердама и Роттердама будутъ неизбежными послѣдствіями болѣе упорнаго сопротивленія. Тѣмъ не менѣе, армию свою, численностью въ 300 тысячъ человекъ, нидерландцы держали въ полной боевой готовности, такъ же, какъ и укрѣпленія Амстердама и береговые форты со стороны востока.

Носившись слухи, что дѣйствія англо-французскаго флота у береговъ Голландіи объяснялись существованіемъ тайнаго договора между Голландіей и Германіей, — договора, по которому Нидерланды, пользуясь своимъ превосходнымъ стратегическимъ положеніемъ, должны были въ нужный моментъ бросить свою подводную флотію на объединенную англо-французскую эскадру и причинить имъ такой уронъ, который поставилъ бы ихъ въ равныя условія съ русско-германскимъ флотомъ. Такое вмѣшательство Голландіи было бы равносильно надеждѣ изъ-за угла и противорѣчило бы всякой порукѣ международнаго права. Но японцы подлѣ Порта-Артуромъ не показали развѣ, какое значеніе имѣло для нихъ международное право, по сравненію съ той великой цѣлью, которую они себѣ поставили при открытіи военныхъ дѣйствій?..

Важъ бы то ни было, но русско-герман-

скій флотъ позволялъ англо-французамъ выполнить свои операціи противъ Голландіи, не покидая своей базы. Правда, договоръ между Германіей и Голландіей отъ 1907 года обязывалъ Германію къ вмѣшательству, въ случаѣ нарушенія нейтралитета Голландіи, но, съ другой стороны, опытъ войны подсказывалъ Берлину, что помощи нейтральнымъ державамъ должна предшествовать забота объ оборонѣ собственныхъ береговъ. А берега Германіи далеко еще не были ограждены отъ разрушительныхъ выпадовъ и сюрпризовъ непріятельскаго соединеннаго флота. Германія, парализованная въ своей морской торговлѣ, все же спокойно выжидала побѣды на французской границѣ, — побѣды, результаты которой не были бы умалены даже самымъ блестящимъ успѣхомъ непріятеля на морѣ. Въ худшемъ случаѣ, контрибуція, которую непріятель уплатитъ, пойдетъ на воссозданіе флота и на исцѣленіе ранъ, нанесенныхъ торговлѣ и промышленности.

Соединенный средиземный флотъ подлѣ начальствомъ греческаго короля, не имѣя возможности выловить непріятельскій флотъ въ открытое море, занялся безопаснымъ уничтоженіемъ турецкаго побережья. Итальянская эскадра, устроившись на своей новой операціонной базѣ въ Санъ-Далмаціо на восточномъ берегу Адриатики, поддерживала блокаду Пола на разстояніи 70 морскихъ миль. Подобно японскому флоту на островахъ Эльота, густая сѣть развѣдчиковъ, связанныхъ телеграфной проволокой съ флотомъ, все время наблюдала за операціями непріятеля. Въ Санъ-Далмаціо, принадлежавшемъ еще недавно Австріи, была импровизована временная морская крѣпость, снабженная всѣмъ необходимымъ, въ томъ числѣ и провіантомъ на долгое время. Здѣсь было выгружено за послѣднее время до 20,000 тоннъ различнаго военнаго матеріала, была создана подвижная база съ цѣлью избавить эскадру отъ необходимости тратить время и уголь на переѣздъ къ отечественнымъ берегамъ. Для ремонта судовъ въ Санъ-Далмаціо стояли итальянскія судна-мастерскія, транспорты всякаго разнѣго, лазареты, доки и всякій другой матеріаль, необходимый для вспомогательной эскадры. Здѣсь же, между прочимъ, былъ отремонтированъ бронированный крейсеръ «Тирено», сильно поврежденный отъ многочисленныхъ минныхъ атакъ австрийскихъ подводныхъ лодокъ.

Главнокомандующій итальянскаго флота, адмиралъ Джованни д'Аурія, долго бесѣдовалъ въ этотъ вечеръ съ начальникомъ

гтаба вице-адмираломъ Поли и командиромъ воздушной эскадры княземъ Эмбриако.

— Нужно во что бы то ни стало, чтобы неприятель вышелъ изъ Поли, а для этого мнѣ остается только одно средство. Если командиръ австрійскаго флота адмиралъ Монтефельтро не отвѣтитъ на мой вызовъ, то этѣмъ честь арміи, самое святое, что есть у Австрій, внутренней смыслъ самой войны потеряютъ всякое значеніе. Эмбриако, завтра мы бомбардируемъ Триестъ...

Холодная дрожь прошла по тѣлу Эмбриако и застыла у горла.

— Я принимаю всю отвѣтственность за этотъ шагъ на себя,—продолжалъ адмиралъ. —Я знаю, если я обращусь за совѣтомъ къ королю, правительству, къ папѣ, то крикъ ужаса заставитъ меня выбросить изъ рукъ этотъ жестокий мечъ, а потому, опираясь на вѣренную мнѣ власть, я рѣшаю. Завтра эскадра дредноутовъ откроетъ огонь по Триесту. Мы же съ остальной эскадрой будемъ ждать у Поли выхода неприятельскаго флота.

★ ★ ★

Утромъ 20-го апрѣля итальянская вспомогательная эскадра, въ составѣ эскадренныхъ броненосцевъ «Микель Анджело», «Галлей», «Джузеппе Верди», крейсеровъ «Муджіано», «Биксіо» и «Марсала», двухъ флотилій миноносцевъ истребителей и четырехъ подводныхъ лодокъ, крейсировала подъ Триестомъ.

Очистка моря отъ плавучихъ минъ была произведена подъ непрерывнымъ огнемъ австрійскихъ миноносцевъ и подводныхъ лодокъ, охранявшихъ величайшій торговый портъ монархіи. Огонь открыли крейсера береговой обороны «Неликанъ» и «Триестъ». Столкновение было ожесточенное и продолжалось съ перерывами до 11-ти час. утра. Итальянская эскадра потеряла 3 контръ-миноносца, 3 другихъ потерпѣли значительныя аваріи. Пробежны получилъ и «Биксіо». Все же очистка моря отъ минъ удалась, и въ часъ дня вступили въ дѣйствіе дредноуты, которые скоро сломили послѣднее упорство австрійцевъ. Видно было, какъ «Неликанъ» и «Триестъ», охваченные пожаромъ, успѣшно удалялись въ портъ.

До этой минуты лѣзвіе о предстоящей бомбардировкѣ еще не было сообщено властямъ Триеста, населеніе котораго еще съ ранняго утра различало отдаленный трохотъ артиллеріи. Но къ 12-ти часамъ лейтенантъ австрійскаго флота явился къ намѣстнику барону Ральдису и доложилъ ему о предостереженіи, полученномъ комендантомъ порта отъ начальника итальянской эскадры.

Старый баронъ, итальянецъ по происхожденію, всѣ симпатіи котораго были на сторонѣ итальянцевъ, былъ потрясенъ.

— Итакъ, Триестъ погибнетъ отъ руки итальянцевъ же? Погибнетъ Триестъ, который такъ страстно чаялъ минуты, когда появятся его освободители-итальянцы? Не Триестъ-ли являлся внутреннимъ смысломъ войны и вознагражденіемъ за войну? Могъ ли онъ сказать своимъ сограждапамъ-итальянцамъ: «Бѣгите, бѣгите, ибо скоро ваши братья изъ Италиі превратятъ ваши дома въ развалины помощью того самаго оружія, которое должно было расковать ваши плечи»? А быть можетъ, эта жертва неизбежна? Можетъ быть, Триестъ снова возродится и все, что онъ возложитъ на алтарь родины, будетъ ему возмѣщено?

Когда минулъ срокъ ультиматума, итальянскія суда уменьшили разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ города, и выстроились въ боевую позицію. Миноносцы, трейсера и флотилія аэроплановъ безпрестанно кружились вокругъ.

Адмиралъ отдалъ приказъ приступить къ бомбардировкѣ порта и уничтожить находящіяся въ немъ торговые суда.

Городъ, расположенный амфитеатромъ, точно дремалъ, покрытый легкими тучами. Съ трудомъ видѣлись издали развѣвавшіеся на колокольняхъ церквей и на высяхъ домахъ красные флаги, которые, съ отвѣтственно поставленнымъ газеткой конференціи, стѣбчали памятники искусства, ученія и учебныя учрежденія, больницы и госпитали, не подлежащія бомбардировкѣ.

Первый выстрѣлъ былъ данъ съ «Галлея». За нимъ послѣдовали выстрѣлы со всѣхъ остальныхъ судовъ. Они попадали въ моль, въ портовые и складочныя помѣщенія, въ набережную и суда, стоявшія у центральной пристани. Скоро возникъ пожаръ на второмъ молу, что у моста Франца-Иосифа. Огонь быстро перешелъ на ближайшее судно, а отъ него—къ другимъ судамъ. Вѣтъ уже загорѣлся арсеналъ австрійскаго войска. Одинъ за другимъ загорались его корпусы, распространяя ужасъ и страхъ на жителей смежныхъ кварталовъ. Видно было издали, какъ съ тяжелыхъ снарядовъ рушились дома на набережной Санта-Андреа. Изъ-подъ развалинъ поднимались огромные огненные языки сквозь черныя тучи дыма.

Вдругъ адмираломъ былъ данъ приказъ прекратить огонь.

Матросы и офицеры радостно поздравляли другъ на друга, нѣла объясненія этому факта. Но въсѣтъ о прекращеніи огня съ

быстротою молнии уже облетѣла суда, смѣшавшись съ новой радостной вѣстью: австрійскій флотъ вышелъ изъ Поли и спѣшитъ на выручку Триеста, главнокомандующій адмиралъ д'Аурія задержалъ его и вынудилъ принять бой. Схватка между обѣими эскадрами развертывается. Дивизія дредноутовъ, дѣйствовавшая подъ Триестомъ, должна немедленно прекратить бомбардировку, въ которой уже не было больше надобности, и идти на вѣхъ паравъ на соединеніе съ главной эскадрой.

Соотвѣтственно этому приказу, дивизія дредноутовъ немедленно перестроила свой фронтъ, и умчалась туда, куда звалъ ее главный адмиралъ, и скоро исчезла съ горизонта. Только «Биксіо» и «Марсала» подошли къ порту, чтобы тушить возникшій на нихъ пожаръ.

Крейсеръ «Бруно» первый сообщилъ, что австрійская эскадра вышла изъ Поли.

Она была составлена изъ шести моторныхъ броненосцевъ въ 36 тысячъ тоннъ водоизмѣщенія, изъ четырехъ дредноутовъ въ 30 тысячъ тоннъ и четырехъ въ 22 тысячи, принадлежавшихъ къ типу «Viribus Unitis», спущеннаго на воду въ іюні 1911 года. Императорская эскадра держала курсъ на Триестъ, имѣя въ авангардѣ два бронированныхъ моторныхъ крейсера въ 23 тысячи тоннъ. Главнокомандующій итальянскаго флота, адмиралъ д'Аурія, напротивъ, держалъ курсъ на сѣверо-востокъ, раздѣливъ свою эскадру на три дивизіи. Въ составъ первой входили моторные броненосцы «Патрія» (флагманское судно), «Ре д'Италія», «Реджина д'Италія», «Христофоръ Колумбъ» и «Мадзини». Въ составъ второй дивизіи, слѣдовавшей за первой на разстояніи двадцати миль къ югу, входили суда: «Леніано», «Дуріо», «Иринцъ Гумбертъ», «Порта Піа» и «Кардучи». Въ составъ третьей дивизіи входили крейсера «Адриатико», «Тиррепо», «Іоніо» и «Медитераніо».

Главнокомандующій отдалъ приказъ развѣдочнымъ судамъ ни на минуту не терять связи съ австрійцами; четвертой дивизіи дредноутовъ было приказано немедленно прекратить огонь по Триесту и присоединиться къ главной эскадрѣ.

На морѣ стояла буря. Огромныя волны безпрестанно перекатывались черезъ бортъ «Патріи». На рубкѣ стояло всего нѣсколько человекъ, — экипажъ находился уже у орудій. Въ часъ 40 минутъ первыя три дивизіи эскадры уже закончили концентраціонное движеніе и выстроились въ боевую линію. Шестъ линейныхъ кораблей въ

36 тысячъ тоннъ и четыре дредноута въ 32 тысячъ тоннъ образовали центръ; на крайнихъ флангахъ находились бронированные крейсера.

Съ рубки «Патріи» главнокомандующій д'Аурія непрерывно смотрѣлъ въ ту сторону горизонта, откуда должна была появиться австрійская эскадра. Рядомъ съ нимъ стояли начальникъ штаба вице-адмиралъ Поли и командиръ «Патріи» капитанъ перваго ранга Бонаци, полковникъ Ванци, начальникъ артиллеріи и командиръ флотилии аэроплановъ князь Эмбриако. Вслѣдствіе сильнаго вѣтра Эмбриако до сихъ поръ былъ лишень возможности подняться со своей эскадрой. Онъ внимательно смотрѣлъ на адмирала, точно пытаясь разгадать, что происходитъ въ его душѣ въ данную минуту, когда на очереди стоять такія рѣшающія событія. Адмиралъ д'Аурія, несомнѣнно, былъ рожденъ солдатомъ. Спокойный и твердый, смѣлый и рѣшительный, послѣдовательный до конца, онъ былъ подготовленъ къ своей роли. Никто изъ начальниковъ эскадры не болѣлъ больше душою за бомбардировку Триеста, чѣмъ онъ. Но это была необходимость, желѣзная роковая необходимость, и адмиралъ д'Аурія, вопреки собственному чувству, не уклонился отъ нея.

Развѣдчики то и дѣло сигнализировали направленіе австрійскаго флота, который, казалось, твердо рѣшилъ атаковать итальянскую эскадру. Впрочемъ, д'Аурія никогда не сомнѣвался въ этомъ рѣшеніи австрійцевъ послѣ того, какъ они вышли изъ Поли; всѣ его мысли были направлены въ данную минуту только къ тому, чтобы занять наиболѣе благоприятную въ стратегическомъ отношеніи позицію и предотвратить возможный возвратъ австрійцевъ въ Полу съ цѣлью спасти уцѣлѣвшія части эскадры. Рѣшительный моментъ становился все ближе и ближе. Черезъ нѣсколько часовъ вопросъ о владычествѣ на Адриатическомъ морѣ будетъ рѣшенъ—или Италія навсегда откажется отъ надежды водрузить флагъ Санъ-Марко на восточномъ побережьи Адриатики, или же Австрія, лишившись своей послѣдней артеріи, черезъ которую она общалась непосредственно со всѣмъ міромъ, будетъ вычеркнута изъ списка морскихъ державъ и превратится въ вассала Германіи. Для Австріи рѣчь шла не только о поединкѣ съ Италіей, къ которому она столько времени стремилась, но и о своихъ будущихъ взаимоотношеніяхъ съ германскимъ союзникомъ. Австрійская побѣда рѣшила бы пользу центральныхъ державъ, открыла бы

для римской куріи новую эру величія и мощи и обезпечила бы австрійской имперіи такое положеніе въ Европѣ, какого она никогда не занимала... Все это въ мигъ въ послѣдній разъ урѣзѣ старый адмиралъ, глядя въ лицо Эмбриако, на которомъ все еще лежалъ отпечатокъ сомнѣнія. А сомнѣваться у Эмбриако было много причинъ.

Итальянская эскадра, несомнѣнно, имѣла значительныя преимущества какъ въ отношеніи однородности судовъ, такъ и въ смыслѣ ихъ вооруженія и скорости хода. Но эти преимущества, сыгравшія столь крупную роль въ предыдущихъ фазисахъ войны—во время блокады Адриатики, при взятіи Валоны, при штурмѣ крайняго лѣваго фланга австрійской арміи и т. д.,—могли быть потеряны въ предстоящемъ сраженіи. Да и самъ адмиралъ вспоминалъ минутами другой роковой день въ Адриатическомъ морѣ, день, когда онъ еще молодымъ гардемаринномъ служилъ на суднѣ «Принцъ Кариньяно». Точно во снѣ онъ вспоминалъ теперь ужасы роковой встрѣчи у Лиссы, зачѣшательство, произошедшее въ итальянской эскадрѣ, ввѣренной адмиралу, который былъ лишень яснаго представленія о ходѣ боя, роковой конецъ «Палестро» и «Ред-Италія», ошибку, которой не воспользовался австрійскій адмиралъ, и позорный возвратъ уцѣлѣвшихъ судовъ въ Анкону.

«Но здѣсь мы побѣдимъ»,—говорилъ адмиралу внутренней голосъ.

Какъ разъ въ эту минуту отъ развѣдчиковъ поступило извѣстіе, что вдали показалась австрійская эскадра. Прошло нѣсколько минутъ ожиданія, и извѣстіе оправдалось. Вначалѣ показался дымокъ австрійскихъ дредноутовъ, затѣмъ все яснѣе стали вырисовываться башни броненосцевъ. Эскадра шла на всѣхъ парахъ.

Желая отвлечь австрійцевъ возможно дальше отъ базы, адмиралъ велѣлъ судамъ стоять нѣсколько влѣво. Австрійская эскадра неустрашимо продолжала свой курсъ.

— Графъ Монтефельтро,—замѣтилъ начальникъ штаба,—сознаеть, очевидно, что бой теперь неизбѣженъ, и онъ рѣшительно на насъ наступаетъ. Онъ знаетъ, насколько опасно было бы для настроенія экипажа поступать иначе...

Уже явно вырисовывалась кильватерная линия австрійской эскадры. У ея фланговъ находились бронированные крейсера: «Бургиньонъ» и «Висякъ», въ центрѣ, слѣва направо,—мощная группа моторныхъ броненосцевъ: «Кайзеръ», «Кайзеринъ», «Лисса», «Гельголандъ», «Габсбургъ», «Эрцгер-

погъ Максимилианъ», 4 дредноута типа «Вирибусъ» и 3 дредноута: «Адрия», «Кустоца» и «Новара». Съ «Патріи» по безпроводочному телеграфу итальянской эскадрѣ передавались послѣднія приказанія адмирала:

«Къ орудіямъ! Измѣрять разстояніе. Впередъ на всѣхъ парахъ».

И, наконецъ, сигналъ:

«Вспомните Лиссу. Да здравствуетъ Италия!»

Съ капитанской рубки «Патріи» Джованни д'Аурія казался, дѣйствительно, властнымъ вершителемъ тѣхъ событий, которые черезъ нѣсколько минутъ должны были разыграться здѣсь, посреди моря, на зеленыхъ водахъ Адриатики. Онъ обернулся къ начальнику штаба и спокойно сказалъ:

— Если я умру, то смерть моя должна стать извѣстной эскадрѣ только къ концу сраженія. Вѣдь надо обо всемъ подумать, не такъ-ли?

«Бургиньонъ» открылъ огонь. «Адриатико» отвѣтилъ ему.

— Разстояніе еще слишкомъ далекое, чтобы напрасно тратить снаряды,—замѣтилъ д'Аурія.

«Адриатико» замолчалъ. Но съ каждой минутой разстояніе все болѣе и болѣе сокращалось; еще нѣсколько мгновений, и тяжелая артиллерія уже вступитъ въ дѣйствіе. Трепетъ ожиданія передавался на весь экипажъ «Патріи». Эмбриако стоялъ на своемъ наблюдательномъ пунктѣ, откуда онъ долженъ былъ сообщать по телефону начальнику артиллеріи о дѣйствіи огня.

— «Кайзеръ» стрѣляетъ,—почти полупочтомъ замѣтилъ стоявшій рядомъ съ нимъ лейтенантъ Линати.

Австрійское флагманское судно открыло огонь какъ разъ по тому броненосцу, на которомъ находился адмиралъ д'Аурія. Но ея снаряды не долетали до цѣли, а взрывались въ водѣ на относительно большомъ разстояніи, выбивая пѣнящіеся фонтаны. Но это продолжалось недолго; скоро итальянскую эскадру уже салютовали всѣ австрійскія суда, начиная отъ «Лиссы» и кончая дредноутомъ «Адмиралъ Тегетовъ».

— Теперь очередь за нами,—такъ же тихо замѣтилъ своему сосѣду молодой лейтенантъ,—держитесь, капитанъ, а то клѣтка ваша скоро заплыветъ.

«Патрія» точно дрогнула, когда ея 14 тяжелыхъ орудій одновременно открыли свою пасть и бросили въ сторону непріятели свои снаряды, вѣсомъ каждый въ тонну. Какъ сильно ли держались оба офицера, все же отъ удара ихъ отбросило въ сторону.

точно згрешки. Оправившись, они бросились къ телескопамъ.

— Не попали,—недовольнымъ голосомъ сказалъ лейтенантъ.

Эмбриако передалъ это сообщеніе начальнику артиллеріи, который одновременно наблюдалъ за стрѣльбою всѣхъ орудій. Стрѣльба оживлялась: оба противника знали, насколько важно для нихъ выпустить другъ въ друга возможно большее количество снарядовъ.

Пользуясь своей благоприятной первоначальной позиціей и большою скоростью своихъ судовъ, Джованни д'Аурія сосредоточилъ свой огонь на австрійскомъ центрѣ, съ тѣмъ, чтобы изолировать отъ него авангардъ и постепенно парализовать его. Оба неприятеля стрѣляли бездымнымъ порохомъ. Въслѣдствіе дальности разстоянія, о выстрѣлахъ можно было судить только по огромнымъ огненнымъ языкамъ, вырывавшимся изъ стволовъ въ моментъ выстрѣла. Видно было, что «Патрія», «Мадзини» и «Порта-Пиа» безопасно направляютъ свой огонь на «Лиссу». Австрійцы съ каждой минутой уменьшали огонь. Тяжеловѣсные снаряды «Кайзера» перелетали черезъ итальянское адмиральское судно, точно хищныя желѣзныя птицы, руководимыя волею гиганта.

Вслѣдствіе порчи телефона на «Патрію» Эмбриако былъ вынужденъ лично спуститься внизъ, чтобы передать свои наблюденія начальнику артиллеріи. Что-то ужасное творилось вверху, когда онъ проходилъ по палубѣ. Огромное судно стонало, кружкомъ летали обломки. «Христофоръ Колумбъ», какъ онъ явно различалъ, быстро наклонился на бокъ. Онъ подавалъ сигналы: «Вода проникла у меня въ машины». Къ Эмбриако подбѣжалъ какой-то офицеръ, и, отдавъ честь, произнесъ:

— Адмиралъ васъ зоветъ къ себѣ.

По дорогѣ ему попались два моряка, которые плыли на рукахъ командира «Патріи».

— Раненъ?

— Нѣтъ, убитъ.

«Христофору Колумбу» было данъ приказъ выйти изъ боевой линіи.

— Эмбриако,—встрѣтилъ его адмиралъ, —Вопаси убитъ, я назначаю васъ командиромъ «Патріи», займите свое мѣсто.

Эмбриако взглянулъ на хронометръ. Было 2 ч. 40 м. Бой продолжался 20 минутъ и горѣлъ уже по всей линіи. Скоро многія изъ судовъ, гремѣвшія всей своей артиллеріей, одно за другимъ замолкли и углубились въ морскія пучины. «Порта-Пиа» и «Мадзини» безстрашно продолжали

забрасывать австрійскую «Лиссу» своими снарядами. Ихъ двадцать восемь тяжелыхъ орудій непрерывно громили борты и палубу австрійскаго дредноута. Двѣ башни на немъ уже были сбиты. Другія были приведены въ негодность. Итальянскіе бомбардировъ съ какимъ-то остервеащіемъ направляли свои выстрѣлы въ «Лиссу», провожая каждый выстрѣлъ проклятіями, точно желая смыть со страницъ исторіи тяжелыя воспоминанія, связанныя съ именемъ Лиссы.

— «Лисса» выходитъ изъ строя,—замѣтилъ начальникъ штаба Поля.

Было ясно, что австрійскій адмиралъ во что бы то ни стало желаетъ спасти свое флагманское судно, которое, повидимому, было обречено на гибель. И, дѣйствительно, «Лисса» постепенно стала выходить изъ строя. Она скоро замедлила ходъ, потому совсѣмъ остановилась.

Австрійское флагманское судно стояло неподвижно. И чѣмъ яснѣе это становилось для итальянскихъ моряковъ, тѣмъ безпощаднѣе «Мадзини» и «Порта-Пиа» продолжали забрасывать его своими снарядами, до тѣхъ поръ, пока съ капитанской рубки не раздался радостный крикъ:

— «Лисса» идетъ ко дну!

Австрійскій дредноутъ погружался въ воду, но такъ быстро, что съ рубки «Патріи» за ея креномъ трудно было услѣдить. Прошла еще секунда томительнаго ожиданія, и австрійскаго дредноута уже не стало. Море приняло его въ свои объятія.

Сраженіе продолжалось уже 35 минутъ.

Послѣ потопленія «Лиссы» въ австрійскомъ центрѣ произошло замѣтное замѣшательство. «Эригеронъ Максимилианъ» и «Габенбургъ», повидимому, получили сильныя поврежденія въ машинномъ отдѣленіи и у руля и стали покидать боевую линію. Дредноуты были менѣе повреждены, такъ какъ во время перваго фазиса сраженія итальянскіе снаряды были направлены, главнымъ образомъ, на неприятельскіе моторные брешеносцы: тѣмъ не менѣе «Адмиралъ Тегетовъ» и «Новара» уже были охвачены огнемъ. Трубы были съ нихъ сбиты. Рули не повиновались. Итальянская эскадра понесла, въ общемъ, меньшій потерн, хотя неприятельскіе снаряды произвели и на ней большія овузещенія. Исколькыо багровыя брызги сбиты, и въ самой острый моментъ сраженія многія изъ этихъ желѣзныхъ чудовищъ, точно безучастные зрители, смотрѣли вдаль. «Христофоръ Колумбъ», находясь внѣ боевой линіи, съ сильнымъ креномъ тихо и молчаливо ждалъ вѣднней своей минуты: никто не могъ притти ему на помощь. Всѣ

экипажъ судна былъ собранъ на палубѣ, точно готовясь къ параду. Времени было мало, какъ офицеры обнажали свои плаги, и тогда морской вѣтеръ принесилъ съ потябающаго судна отзвуки мощнаго «ура» изъ сотель грудой.

Опредѣливъ приблизительно потерю неприятеля и то, что его боевая линія стаповилась все менѣе и менѣе правильной, главнокомандующій д'Аурія понялъ, что австрійцы сдѣлаютъ попытку обратнаго бѣгства въ Полу. Вслѣдствіе этого онъ заблаговременно отдалъ приказъ крейсерамъ «Адриатико» и «Тиррено» на всѣхъ парахъ идти на югъ, чтобы отрѣзать неприятелю стегупленіе. Тепло въ подтвержденіе его мысли, черезъ нѣсколько минутъ на австрійскомъ фланманскомъ суднѣ «Кайзеръ» показался сигналъ «Слѣдовать за мною». Видно было, однако, что «Эрцгерцогъ Максимилианъ» и «Габсбургъ» съ трудомъ повинуются этому приказу адмирала.

Въ 3 часа 40 минутъ, скорость неприятельскихъ судовъ все болѣе и болѣе ослабѣвала. Это совпало съ моментомъ, когда къ итальянской эскадрѣ присоединилась ея дивизія дредноутовъ, шедшая на всѣхъ парахъ изъ Триеста. Ей тотчасъ же былъ отданъ приказъ пригнать оба австрійскихъ дредноута, сильно отстаившихъ отъ остальной части эскадры, «Верди» же было поручено подобрать экипажъ «Христофора Колумба».

Австрійская эскадра уже не могла болѣе пзбѣгнуть обхвата. Въ 4 часа 20 минутъ крейсера дивизія успѣла замкнуть полукругъ, и тогда «Адриатико» первымъ снова возобновилъ огонь по австрійцамъ. Неприятельскія суда, уже истощившія всѣ свои мины съ цѣлю обезпечить себѣ отступленіе, въ послѣдній разъ сдѣлали попытку разбить цѣль итальянскихъ судовъ и со всей силой бросились на итальянскіе крейсера. Сраженіе вступило въ новый фазисъ. «Кайзеръ», «Кайзеринъ», «Гельголандъ», и мотерные броненосцы «Бургиньонъ» и «Вислякъ», т. е. центръ бѣгущей эскадры, сосредоточилъ свой огонь на итальянскихъ крейсерахъ. Получивъ одновременно три огромнѣйшихъ пробоя, красавецъ «Тиррено» быстро сталъ погружаться въ воду, провожаемый ликоваіемъ съ австрійскихъ судовъ. Но въ то время, когда вторая итальянская дивизія поддерживала бой съ австрійскими дредноутами, самъ д'Аурія во главѣ первой дивизіи бросился на помощь къ крейсерамъ. Приближаясь, онъ явно различалъ, какъ «Адмиралъ Тегетовъ» и «Вирibusъ» были сильно повреждены.

Утро 21-го апрѣля 1922 года принесло въ вѣчный городъ мрачную вѣсть: Либекъ и Нагуръ были палануиъ паденія и германская армія безостановочно спускалась въ Бельгію, приближаясь къ французской границѣ. Но уже къ вечеру съ Монтемарио загрѣбли орудія, и граждане Рима, къ глубокому своему удивленію, увидѣли, какъ правительственныя и общественныя учрежденія быстро стали украшаться національными флагами.

Въ экстренномъ изданіи «Италіи», раздававшемся на улицахъ и площадяхъ вѣчнаго города, была напечатана слѣдующая телеграмма главнокомандующаго флота Джованни д'Аурія на имя предѣдателя совѣта министровъ:

«Сегодня въ 2 часа 15 минутъ мы встрѣтили на сѣверо-востокѣ отъ Поли австро-венгерскую эскадру. Въ 5 часовъ 35 минутъ, «Лисса», «Габсбургъ», «Кайзеръ», «Тегетовъ» и «Вирibusъ» пошли ко дну, «Францъ-Иосифъ» и «Адрия» выброшены на побережье. Другія неприятельскія суда, имѣя пожаръ на борту, преслѣдуемая нашими судами и подверженныя атакамъ нашихъ миноносцевъ и подводныхъ лодокъ, бѣгутъ въ безпорядкѣ въ Полу. Мы потеряли «Христофоръ Колумбъ» и «Тиррено». Экипажъ исполнилъ свой долгъ».

VIII.

«Железный барьеръ».

Съ побѣдой итальянскаго флота у Поли судьбы войны въ Средиземномъ морѣ могли считаться окончательно рѣшенными. При преслѣдованіи австрійскихъ судовъ, бѣжавшихъ въ Полу, итальянскіе миноносцы и подводныя лодки своими атаками потопили еще «Бургиньонъ» и «Донъ-Жуапъ-де-Аустрия». Эта побѣда дала адмиралу д'Аурія возможность усилить эскадру короля греческаго тремя итальянскими моторными броненосцами въ 36 тысячъ тоннъ, подъ начальствомъ вице-адмирала Поли.

Объединенныя эскадры производили теперь операціи по форсированію Дарданеллъ и по высадкѣ десантовъ на мало-азиатскій берегъ. Необходимость обороны оттоманской столицы совершенно пріостановила вторженіе турокъ въ Грецію, и главнокомандующій Мехметъ-паша былъ вынужденъ снова стянуть свои корпусы къ Константинополю. Тѣмъ временемъ, однако, Блистательная Порта, угрожаемая со стороны моря объединенной эскадрой, истощившая свои средства въ предыдущіе мѣсяцы войны и раздираемая внутренними волненіями, высказывала серьезныя желанія мира.

Блокъ центральныхъ имперій также далъ нѣкоторыя трещины. Морское сраженіе у Пола сильно расшатало надежды австрійскаго императора, хотя вѣнскія газеты, выражавшія якобы взгляды правительства, самоувѣренно пророчествовали, что занятіе Милана австрійцами отомститъ итальянцамъ за пораженіе у Пола.

Но новыя сильныя оборонительныя позиціи, занятыя итальянской арміей, въ значительной степени умалили вѣсь этой угрозы. Итальянскій фронтъ простирался на 150 километровъ, опираясь со стороны моря на Местрѣ и на части адриатической эскадры, а съ лѣваго фланга — на Верону. Флотилія миноносцевъ на озерѣ Гарда, оставшихся хозяиномъ озера послѣ многократныхъ встрѣчъ съ австрійскими миноносцами, оберегала лѣвый берегъ озера, препятствуя всякой высадкѣ австрійцевъ.

Зато рѣшающія событія готовились на франко-германской границѣ, гдѣ огромныя германскія резервы, казалось, каждый день готовы были броситься на Францію черезъ германскую, бельгійскую и швейцарскую границы.

Къ этому общему наступленію императоръ готовился день и ночь, съ самаго начала войны, пожертвовавъ ради него своимъ торговымъ флотомъ и, не взирая на параличъ германской морской торговли и всего побережья Балтійскаго и Сѣвернаго морей.

— Эта жесточайшая война народовъ, — говорилъ Эрнесто Спади, итальянскій посолъ въ Парижѣ, принимая нѣкоторыхъ иностранныхъ журналистовъ, — копчится скорѣе, чѣмъ всѣ менѣе значительныя войны прошлаго. Со времени открытія военныхъ дѣйствій не прошло еще десяти мѣсяцевъ, а заключительная глава уже приближается. Немыслимо даже, чтобы европейскія націи еще дольше переносили этотъ общій торгово-промышленный параличъ Европы...

Завтра, быть можетъ, мы будемъ очевидцами послѣдняго сраженія... Въ Европѣ не будетъ тогда больше войнъ и, пожалуй, дипломатовъ также не будетъ...

— Вашими бы устами да медъ пить, — отвѣтилъ съ многозначительной улыбкой представитель «Италин» Филиппо Ровани.

— Война, протекающая на нашихъ глазахъ, есть, въ сущности, война за свободу торговли. Подумайте только о томъ переворотѣ, который произошелъ во всемирномъ хозяйствѣ за послѣднія десятилѣтія: какъ слились и переплелись между собою интересы различныхъ націй! Международная торговля, достигавшая въ 1903 году сум-

мы въ 130 миллиардовъ франковъ, утонула. Вывозъ капиталовъ изъ одной страны въ другую производится цѣлыми миллиардами. На сбереженія промышленныхъ націй Франціи и Англіи выстроено нынѣшнѣе полтора милліона километровъ желѣзнодорожныхъ линій, которыя вдоль и поперекъ пересекаютъ всѣ части свѣта, и даже такіе континенты, на которые мы въ молодости смотрѣли, какъ на запретныя таинственныя мѣста, въ которыхъ никогда не появится пархъ цивилизаціи.

— Но этотъ ростъ торговли и привелъ вѣдь къ нынѣшнему столкновенію народовъ, — вставилъ англійскій журналистъ докторъ Эдвинъ, — вѣдь, во всемъ виноватъ германскій империализмъ. Англія всегда стояла за свободу торговли.

— Совершенно вѣрно, но она не могла поступать иначе. Тихій и скромный нѣмецкій народъ, какимъ мы знали его до 1870 г., быстро завершилъ свое превращеніе въ промышленную націю. Его настойчивость, научная добросовѣстность, техническія знанія, предусмотрительность и точность какъ въ мелочахъ, такъ и въ крупныхъ дѣлахъ, — все это въ сильной мѣрѣ способствовало этому превращенію.

Насталъ моментъ, когда Германія уже не нуждалась больше въ англійскомъ желѣзѣ и углѣ. Тогда банки быстро расправили свои крылья и открыли германской торговлѣ двери во всѣ части свѣта. Гамбургъ и Бременъ превратились въ величайшія гавани міра. Въ первые годы нашего столѣтія цѣнность германскаго флота составляла приблизительно 800 милліоновъ франковъ. Нынѣ эта сумма утроилась. Число германскихъ верфей выросло съ головокругительной быстротою; верфь «Вулканъ» въ Штеттинѣ на цѣлую голову стоитъ выше англійскихъ и французскихъ верфей. Очень немногія пароходныя компаніи выдерживаютъ нынѣшнюю конкуренцію «сѣверо-германскаго ллойда» въ Бременѣ и «гамбургско-американской линіи». И, надо отдать ему справедливость, германскій императоръ уже въ первые же дни своего царствованія понялъ, какимъ мощнымъ орудіемъ власти и господства могло бы стать въ его рукахъ это огромное богатство и поразительный ростъ германской промышленности... Но, какъ событія показываютъ, господа, несчастья со всѣхъ сторонъ обрушились на эту великую германскую націю. Правда, послѣдствія этой войны для торговли и промышленности были предусмотрѣны нѣмцами, а общественное мнѣніе Германіи долго и упорно подготавливалось къ тому, что нація рано

или поздно должна будетъ принести огромную жертву на алтарь отечества, но все-таки народная душа разбита. А въ то время, когда Германія, припертая къ стѣнѣ англо-французской блокадой, задыхается у себя дома, не имѣя возможности выйти въ море, ея британская соперница свободно плаваешь по морямъ и океанамъ; англійскому флагу открытъ путь и въ Индію, и въ Америку, и въ Африку, причемъ никто не смѣетъ нарушать покой огромныхъ британскихъ колоній... Нѣтъ болѣе никакого сомнѣнія,—варта Германія бита. Допустимъ даже, что вся Франція будетъ наводнена германскими корпусами, что весь англо-французскій флотъ пойдетъ ко дну,—и все-таки, господа, тотъ империализмъ, который привелъ Германію на путь агрессивныхъ дѣйствій, уже погибъ, и погибъ отъ собственной своей руки.

Рѣчь посла была прервана появленіемъ итальянскаго военнаго атташе, полковника Вилариса.

Журналисты обступили его и настойчиво стали упрашивать объяснить имъ вѣроятный ходъ назрѣвающихъ въ центральной Европѣ событій.

— Я едва-ли господа могу прибавить что-либо къ тому, что его превосходительство уже изложилъ вамъ. Мы стоимъ наканунѣ рѣшенія—вотъ мое мнѣніе. Въ численномъ отношеніи подкрѣпленія, присланныя Россіей, достигли, по-моему, своего кульминаціоннаго пункта. Императоръ не можетъ болѣе медлить, ибо возможно, что Россіи придется отправить часть своихъ войскъ обратно на Дальній Востокъ. Кромѣ того, всякое промедленіе возымѣло бы отрицательное дѣйствіе на духъ русско-германскихъ войскъ.

— Простите, полковникъ,—шрерваль военнаго атташе Жакъ Рели, военный сотрудникъ «Matin».—Что мы стоимъ наканунѣ рѣшающихся событій на сушѣ, это всѣмъ извѣстно, но вѣдь центръ тяжести лежитъ на морѣ. Скажите, выйдетъ, наконецъ, русско-германскій флотъ изъ Вильгельмсавена или нѣтъ?

— Несомнѣнно, выйдетъ. Дѣло только въ томъ, что исходъ сухопутнаго сраженія едва-ли удержитъ императора отъ искушенія бросить свои боевыя единицы противъ эскадры генерала Уольтона. Не для того-ли онъ цѣлыя десятилѣтія воспитывалъ свой флотъ въ желѣзной дисциплинѣ, провозглашая на весь міръ, что судьбы Германіи лежатъ на водѣ? А пока что, его мощный флотъ, объединившись съ русской эскадрой, вынужденъ крейсировать во внутреннихъ

водахъ Германіи, пользуясь для этого Шлезвигскимъ каналомъ.

— Скажите, полковникъ, какая собственно надежда можетъ еще быть у русско-германскаго флота, который въ такой значительной степени уступаетъ англо-французскому?

— Вы плохо, повидимому, освѣдомлены. Никто въ данную минуту не знаетъ точнаго соотношенія силъ обоихъ флотовъ. Вѣдь обѣ стороны сохраняютъ въ строжайшей тайнѣ данныя о бывшихъ морскихъ операціяхъ. Можете-ли вы сказать съ точностью, каковы результаты произведенныхъ до сихъ поръ минныхъ атакъ обоихъ флотовъ, сколько судовъ уже пошло ко дну и сколько повреждено въ такой степени, что не могутъ болѣе участвовать въ болахъ?.. Мы знаемъ только то, что къ началу военныхъ дѣйствій Англія насчитывала въ Сѣверномъ морѣ 10 моторныхъ броненосцевъ въ 40 тысячъ тоннъ водоизмѣщенія, 6—въ 36 тысячъ, 6—въ 34 тысячи пятьсотъ и 10 относительно устарѣвшихъ дредноутовъ. Этимъ силамъ Германія къ открытію военныхъ дѣйствій противопоставляла 10 моторныхъ броненосцевъ въ 35 тысячъ тоннъ, 4—въ 40 тысячъ и 15 дредноутовъ. Что касается Россіи, то она была слабѣе Франціи на четыре моторныхъ броненосца, шрерсходивъ ее, напротивъ, числомъ дредноутовъ.

— Такъ что, по-вашему, русско-германскій флотъ едва-ли можетъ рассчитывать на успѣхъ? — снова прервалъ сотрудникъ французской газеты.

— Я уже говорилъ вамъ, что это соотношение силъ было къ началу кампаніи, но оно могло сильно измѣниться съ тѣхъ поръ. Не забудьте, что англо-французская эскадра поддерживаетъ одну изъ труднѣйшихъ блокадъ съ декабря мѣсяца. Кто можетъ учесть состояніе ея экипажа и подвижнаго матеріала въ данную минуту? Миѣ кажется, что при такомъ огромномъ количествѣ боевыхъ единицъ съ обѣихъ сторонъ и растяжимости ихъ фронта, тому или иному исходу столкновенія могутъ содѣйствовать разнородныя причины. Какъ бы то ни было, но скорая встрѣча, по-моему, неизбежна. Германскій императоръ прибѣгнетъ къ ней или потому, что онъ предварительно выйдетъ побѣдителемъ изъ сухопутнаго боя, или изъ необходимости нанести непоправимый ударъ британскому морскому могуществу, чтобы отомстить за раны, нанесенныя германской торговлѣ и промышленности. Въ крайнемъ случаѣ, онъ прибѣгнетъ къ морскому бою, даже будучи побѣжденъ французской арміей; у него не останется тогда другого

исхода, ибо это будетъ единственная карта, которая могла бы еще спасти его имперію.

Электрическій моторъ Филиппо Ровани, управляемый Томазетти, возвращался въ Ланжръ изъ экскурсіи въ Люксемъ, гдѣ бригада генерала Арно сбита германскій Цеппелинъ. Прибывъ въ Ланжръ, Ровани сейчасъ же отправился на телеграфную станцію, чтобы передать редакціи фотографическіе снимки трагическаго конца германскаго дирижабля; черезъ полчаса, посредствомъ телестереографа они были уже въ редакціи газеты въ Миланѣ и Римѣ. Онъ нѣкоторое время внимательно наблюдалъ дѣйствіе этого аппарата, который почти мгновенно воспроизводитъ графически содержаніе событий, разшпранчившихся на разстояніи тысячь километровъ. Цеппелинъ былъ выпущенъ русско-германскою арміею по направлецію къ Ланжру съ цѣлью устаковленія дислокаціи французскихъ войскъ въ треугольнике Турь-Эпиналь-Ланжръ. Германскій воздушный корабль былъ замѣченъ минутъ черезъ пятнадцать послѣ его появленія надъ первыми французскими позиціями въ Люксемъ. Однако, французы дѣлали видъ, что не замѣчаютъ его. Наблюденіе съ дирижабля затруднялось, главнымъ образомъ, тѣмъ, что съ большой высоты предметы представлялись почти неслучительно въ горизонтальномъ видѣ. Не отдавая себѣ отчета, что за нимъ слѣдятъ, Цеппелинъ сталъ спускаться все ближе и ближе къ французскимъ позиціямъ. Онъ продолжалъ спускъ до тѣхъ поръ, пока одновременная стрѣльба двухъ батальоновъ не открыла ему глаза на ловушку, въ которую онъ попалъ. Пилотъ германскаго дирижабля всячески уклонялся отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, экипажъ его тѣмъ временемъ бросалъ внизъ сотни разрывныхъ снарядовъ. Это продолжалось всего нѣсколько минутъ. Ровани находился почти въ центрѣ дѣйствія. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, бомбы съ Цеппелина производили въ рядахъ французской батареи большія опустошенія. Но французскіе спеціалисты воздушные стрѣлки уже не выпускали его.

— Nous les tenons, — кричалъ стоявшій рядомъ съ Ровани молодой французскій артиллерійскій офицеръ.

Послышались новые взрывы и новые отѣтные выстрѣлы. Казалось, что у пѣмлевъ неисчерпаемый запасъ разрывныхъ снарядовъ. Но вотъ Цеппелинъ спускается все ниже и ниже. Черезъ нѣсколько секундъ

онъ уже будетъ трофеемъ французовъ. Но эта надежда не оправдалась: въ мигъ огромный воздушный корабль запылалъ, какъ факелъ, освѣтивъ на огромное пространство французскій лагерь. Послѣдовалъ оглушительный взрывъ, и на французскихъ солдатъ стали падать обломки жельза, куски человѣческихъ тѣлъ, полотна, встрѣченные мощнымъ, долго не смолкшимъ крикомъ «ура».

Завхавъ въ гостиницу, Филиппо Ровани принялся составлять планъ ближайшихъ движеній.

Французская армія занимала линію протяженіемъ въ двѣсти семьдесятъ километровъ, опираясь, съ одной стороны, на швейцарскую границу, а съ сѣверо-востока — на бельгійскую.

«Противъ наступленія непріятели, — разсуждалъ Ровани, — лучшую оборону составляетъ наступленіе». Но откуда же поведетъ свое наступленіе французскій генералиссимусъ Баяръ? Если англичане, дѣйствительно, высаживаются экспедиціонный корпусъ въ Бельгію, помимо корпусовъ, которые они уже послали въ Антверпенъ, то пѣмцы, конечно, будутъ вынуждены перейти отъ наступленія къ оборонѣ. Французы считаютъ еще своимъ долгомъ вступить на территорию Эльзасъ-Лотарингія. Куда же, слѣдственно, направится французская армія — на Мець или на Страсбургъ?

Филиппо Ровани интересовало еще имя генерала, который станетъ во главѣ французской арміи въ Вогезахъ. Если главнокомандующій Баяръ назначитъ въ Бельфоръ генерала Виллуа, то это будетъ служить явнымъ признакомъ того, что въ Вогезахъ будутъ рѣшаться судьбы войны.

Ближайшія къ эльзасской границѣ позиціи были усилены въ ночь на 9-е іюля тридцатью тяжелыми орудіями. Армейскій корпусъ стоялъ наготовѣ у Бельфора, расположившись лагеремъ вдоль береговъ Савоза.

Въ полдень генералъ Виллуа приказалъ двумъ полкамъ бригады Арно придвинуться къ первымъ траншеямъ. Это движеніе было выполнено почти мгновенно. Уходящіе поля были пріхвѣтствуемы остальными частями, какъ пионеры, которымъ былъ порученъ самый опасный шагъ — вступить твердою ногою на непріятельскую территорию. Задача эта была тѣмъ болѣе трудна, что на границахъ Эльзаса и Бадена германскія фортификаціи составляли послѣднее слово военной техники.

Ровани уже садился въ моторъ, чтобы ѣхать къ первымъ пограничнымъ французскимъ линиямъ, когда вдругъ на крайнемъ правомъ флангѣ лагеря онъ замѣтилъ вдругъ какое-то необычное движеніе. Со всѣхъ сторонъ туда бѣжали солдаты и офицеры. Одновременно на небольшой высотѣ онъ замѣтилъ монопланъ, быстро спускавшійся въ лагерь. На немъ было два пассажира, кромѣ пилота. Томазетти едва успѣлъ направить туда моторъ.

— Да вѣдь это же Латамъ!—крикнувъ отъ радости Ровани, замѣтивъ граціозный спускъ аппарата.

Авиаторовъ уже обступила группа офицеровъ. Къ нимъ подошли командиръ корпуса Виллуа и главнокомандующій маршалъ Баяръ, высокій, худощавый старикъ, съ тонкими чертами лица.

Это былъ дѣйствительно Латамъ, который послѣ долгихъ лѣтъ отдыха снова вернулся къ авіаціи, какъ офицеръ воздушной флотилии. Ровани былъ знакомъ съ нимъ со времени международного состязанія 1914 года.

— И вы здѣсь?—весело какъ-то говорилъ авіаторъ, пожмая ему руку и провѣряя аппаратъ,—простите, если я такъ скоро опять съ вами разстанусь. Мы сейчасъ же опять уѣзжаемъ.

— Откуда и куда?—спрашивалъ Ровани.

— Сразу видно, что вы журналистъ,—мы сами очень мало знаемъ. Последняя наша стоянка была въ Эпиналь, а куда идемъ,—одинъ Богъ знаетъ. Мы пролетѣли всѣ двѣсти семьдесятъ километровъ французской линии. Баяръ находитъ, что наши аппараты—лучшіе развѣдчики...

Приказъ о наступленіи пѣхоты на ближайшія германскія траншеи последовалъ черезъ два дня.

Наступленіе началось въ три часа ночи. Въ рукахъ французовъ находились еще горные проходы, которые они успѣли захватить съ большими жертвами въ началѣ кампаніи. Батальонъ Лакура, который началъ наступленіе, былъ составленъ изъ остатковъ тѣхъ двухъ французскихъ полковъ, которые пали при захватѣ послѣдняго прохода. Но нѣмцы, потерявъ свои позиціи въ проходахъ, зато сильно укрѣпились на холмахъ и возвышенностяхъ; отсюда они и собирались противодействовать французскому наступленію. Генералъ Виллуа, лично руководившій операціями на крайнемъ правомъ флангѣ, лично передалъ майору Лакуру приказъ о выступленіи. Батальонъ, стоявшій до сихъ поръ сомкнутыми рядами, разбится скоро на малые отряды, которые одинъ за другимъ, соблюдая строжайшую тишину, стали исчезать въ гор-

номъ ущельѣ. За ними, въ томъ же порядкѣ, последовали и другіе батальоны, а затѣмъ и артиллерійскія части. Вся колонна находилась подъ начальствомъ полковника Донуайя. По приказу генерала Виллуа онѣ должны были придвинуться возможно ближе къ неприятелю, но оставаться незамѣченными для него до тѣхъ поръ, пока вся остальная часть корпуса не достигнетъ намѣченныхъ для каждой отдѣльной части позицій. «Разъ атака будетъ начата, слово «отступленіе» должно исчезнуть изъ лексикона солдатъ»,—такъ гласилъ приказъ.

Уже въ пять часовъ утра одинъ изъ адъютантовъ адмирала Виллуа могъ дать Ровани слѣдующія свѣдѣнія о дѣйствіяхъ, выполненныхъ за это короткое время.

— Въ данную минуту,—говорилъ онъ,—20.000 нашихъ солдатъ симулируютъ сонъ у крайнихъ входовъ въ долину. Наступленіе произведено въ полномъ порядкѣ и съ соблюденіемъ тишины. Жаль только, что намъ пришлось повозиться съ неприятельскими аэропланами. Минныя же загражденія неприятеля были во время замѣчены нами и приведены въ негодность.

Ровани отправился на позиціи, которыя занимали резервы полковника Донуайя.

Утро было ясное и тихое. Солнце едва освѣщало горныя вершины. Послѣ часового перехода пѣхотѣ былъ данъ приказъ лечь на землю. Французы были еще вѣдъ линіи обстрѣла нѣмецкихъ постовъ, но за ближайшимъ поворотомъ уже долженъ былъ показаться первый укрѣпленный неприятельскій холмъ.

Замѣтили-ли нѣмцы наступленіе французовъ или нѣтъ, но они молчали. Ждали, повидимому, чтобы тѣ подошли поближе. Французскія батареи также молчали, стоя въ засадѣ въ ожиданіи, чтобы самі нѣмцы своимъ огнемъ обнаружили свои позиціи.

Первая французская рота уже придвинулась къ передовымъ нѣмецкимъ позиціямъ, къ ярму зеленой полянкѣ, покрытой высокой, необыкновенно высокой травой. Не успѣлъ командиръ поднять на ноги своихъ солдатъ, какъ съ нѣмецкихъ укрѣпленій уже грянули первые выстрѣлы. Французы тотчасъ же отвѣтили артиллеріей.

Смерть косила свои жертвы безпощадно. Съ поляны она перешла на остальныя линіи. Артиллерія неистово гремяла, гудело отдаваясь въ горахъ.

Бригада генерала Арно на лѣвомъ флангѣ уже выбила нѣмцевъ изъ передовыхъ позицій. Отступленіе нѣмецкихъ войскъ наблюдается почти по всему фронту. Главнокомандующій держитъ наготовѣ свою тяже-

люю артиллерию, которая через нѣсколько минутъ, быть можетъ, вступитъ въ дѣйствіе. Вынужденный отступить, непріятель пытается засѣсть въ укрѣпленныхъ пунктахъ, противъ которыхъ и будутъ выдвинуты осадныя орудія.

Отступление нѣмцевъ стало повсемѣстнымъ въ 4 часа дня, послѣ того, какъ полковнѣ Дюнуайѣ, помощью штыкового удара и ручныхъ гранатъ, удалось захватить послѣднія германскія траншеи. Начальникъ штаба Дрианкуръ разрѣшилъ журналисту протелеграфировать въ свою газету объ успѣхѣ французскаго оружія. Однако, прежде чѣмъ отправить это извѣстіе, касавшееся праваго фланга, Ровани счелъ нужнымъ справиться о результатахъ первыхъ дѣйствій въ центрѣ. Улучивъ удобный моментъ, онъ обратился лично къ командующему корпусомъ генералу Виллуа:

— По полученнымъ мною свѣдѣніямъ, — говорилъ генералъ, — я заключаю, что непріятель атаковалъ съ большими силами первыя промежуточныя линіи нашего «железнаго барьера». Бой начался сегодня ночью и, вѣроятно, продлится нѣсколько дней. Если наступленіе непріятеля увѣчается успѣхомъ, то моему собственному наступленію грозитъ серьезная опасность, ибо, разбивъ первую нашу линію, непріятель угрожалъ бы Ланжру, который находится у меня съ тыла. Непріятельская армія наступаетъ точно горный потокъ, пытаясь разрушить по пути своего слѣдованія всѣ наши линіи. Это — титаническая борьба, какой исторія еще не видала. Вы понимаете, конечно, что, разъ сраженіе уже началось по всему фронту, то мы уже лишены возможности отнимать войска отъ одного пункта и отправлять ихъ на другой, болѣе слабый. Залогъ успѣха современныхъ войнъ заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы находиться въ хорошихъ условіяхъ передъ сраженіемъ.

— Слѣдовательно?

— Никакихъ — «слѣдовательно». Я, вѣдь, не говорилъ, что маршалъ Баяръ ошибся. Напротивъ, онъ предвидѣлъ, что сраженіе приметъ такой именно оборотъ, а не другой. По моему мнѣнію, мое наступленіе преслѣдовало только ту цѣль, чтобы непріятель главными своими силами обрушился на самого Баара. Это, несомнѣнно, входило въ планы нашего главнокомандующаго. Во всякомъ случаѣ, я буду наступать дальше и надѣюсь пригласить васъ на завтракъ въ Страсбургѣ. Возможно, конечно, что такую задачу уже приняли на себя и другіе, гдѣ-нибудь на другихъ пограничныхъ пунктахъ...

Ровани напрягалъ всѣ свои умственныя и зрительныя способности, чтобы какъ-нибудь разгадать намеки генерала, который, конечно, зналъ, о чемъ говорилъ; но, къ горькому его сожалѣнію, лицо генерала стало вдругъ непроницаемымъ, какъ у сфинкса.

Подавъ журналисту руку на прощаніе, генералъ съ улыбкой еще разъ сказалъ:

— Итакъ, согласны? Въ Страсбургѣ...

IX.

Въ Сѣверномъ морѣ.

Въ тотъ же день, когда генералъ Виллуа началъ свое наступленіе въ Эльзасѣ, моторный крейсеръ «Гиперьонъ» крейсировалъ въ окрестностяхъ Флиссингена, вмѣстѣ съ истребителями, которые вылавливали изъ воды занесенныя теченіемъ нѣмецкія мины.

На палубѣ «Гиперьона» вели бесѣду лордъ Гуклей, отставной сѣверо-американскій адмиралъ Грэгень и итальянскій командантъ Вонкомпалли, — единственные представители печати, принятые на борту военнаго судна.

— Извѣстіе это, — говорилъ лордъ Гуклей, — не подлежитъ никакому сомнѣнію. Транспорты уже сосредоточены въ Чадгемѣ, Розайтѣ и Портсмутѣ. Черезъ два дня Англія броситъ на континентъ всю свою регулярную армію и часть территоріальной. Туда же будутъ отправлены и пять полковъ бойскоутовъ, подъ начальствомъ своего генерала. Въ общемъ, Англія отправляетъ двѣсти шестьдесятъ тысячъ человѣкъ. До тѣхъ поръ, пока австрійскій флотъ въ Адриатическомъ морѣ, а русско-турецкій — въ восточной части Средиземнаго моря задерживали соединенныя морскія силы Италіи, Франціи, Англіи и Греціи, т. е. до тѣхъ поръ, пока какое-нибудь пораженіе въ Средиземномъ морѣ могло еще вынудить Англію отправить туда часть своего флота, — ни одинъ англійскій солдатъ не могъ быть отправленъ на континентъ. Но побѣда итальянцевъ въ Адриатическомъ морѣ, блокада остатковъ австро-венгерскаго флота въ Польтъ, усиленіе эскадры греческаго короля тремя моторными броненосцами вице-адмирала Поли — все это значительно видоизмѣнило положеніе. Турція подъ угрозой бомбардировки Константинополя вышла изъ союза центральныхъ имперій и подписала миръ. Западныя союзники, являющіеся хозяевами Босфора, даже съ незначительными силами могутъ нынѣ блокировать въ Черномъ морѣ всю русскую эскадру. Англіи же, убѣжденная въ томъ, что

ея морскія силы предотвратить даже самый смѣлый десантъ неприятельскихъ войскъ на ея территорію, вѣрнѣе теперь охрану метрополіи почти исключительно добровольцамъ, а армію высаживаетъ на континен-тъ въ Антверпенѣ...

Черезъ нѣсколько минутъ, точно собравшись съ мыслями, лордъ Гукслей продолжалъ:

— Впрочемъ, я еще и другое могу вамъ сообщить. Дивизія «отечественнаго флота», подъ начальствомъ контръ-адмирала Хорлэнда, въ составѣ восьми дредноутовъ и четырехъ бронированныхъ крейсеровъ-развѣдчиковъ завтра утромъ, прибудетъ въ Портсмутъ для прикрытія транспортовъ; главныя же силы англо-французскаго флота начнутъ крейсировать передъ Вильгельмсгавенюмъ... Русско-германскій флотъ избѣгалъ все время встрѣчи въ открытомъ морѣ, но станеть-ли онъ упорствовать на этой тактикѣ теперь, когда узнать о предстоящемъ десантѣ англійской арміи?

А тѣ двѣсти шестьдесятъ тысячъ человекъ, которыхъ Англія посылаетъ нынѣ на сухопутный театръ войны, могутъ рѣшить исходъ всей войны. Подумайте только. Германская армія сосредоточена нынѣ на линіи Туръ-Эпиналь и Вердюнь-Монеди. Если французы не устоятъ противъ натиска, тогда въ руки нѣмцевъ попадутъ Безансонъ и Дижонъ. Возможно даже, что императоръ уже мечтаетъ о триумфальномъ вступленіи въ Парижъ. Но высаживающаяся въ Антверпенѣ англійская армія можетъ разрушить всѣ эти планы, и побѣда русско-германской арміи надъ французами становится весьма проблематичной. Нѣмцы, быть можетъ, сохраняютъ еще свое численное превосходство надъ французами, но надо имѣть въ виду систему французскихъ укрѣпленій... Впрочемъ, невозможно, чтобы императоръ допустилъ этотъ десантъ англійской арміи. Если флотъ его когда-нибудь долженъ вступить въ дѣйствіе, то только теперь. Я убѣжденъ, господа, что мы стоимъ накануне большого морского сраженія въ Сѣверномъ морѣ.

Къ группѣ журналистовъ, бывшихъ моряковъ, подошелъ командиръ «Гиперьона», капитанъ Ансенъ.

— Какія у васъ новости, капитанъ?

— Много... Контръ-адмиралъ Шекельтонъ, начальникъ штаба главнокомандующаго, только что передалъ мнѣ приказъ присоединиться немедленно къ дѣйствующей эскадрѣ.

— Вотъ видите, господа, — сказалъ торжествующимъ тономъ лордъ Гукслей, —

Уолтонъ выполняетъ свое обѣщаніе; вѣдь онъ обѣщаль дать намъ возможность присутствовать при рѣшающихъ дѣйствіяхъ.

* * *

Адмиралъ Уолтонъ воспользовался флотиліей летательныхъ аппаратовъ для ночного набѣга на Вильгельмсгавенъ съ цѣлью деморализаціи неприятеля.

Смѣлый планъ удался. Пятьдесятъ англо-франко-итальянскихъ аэроплановъ подъ начальствомъ князя Эмбриако сосредоточили свои дѣйствія на площади въ 718 тысячъ квадратныхъ метровъ. Артиллерія и воздушная флотилія крѣпости Вильгельмсгавенъ уничтожили шесть неприятельскихъ аэроплановъ, но отъ снарядовъ, которые осталая часть англо-франко-итальянскихъ аэроплановъ успѣли бросить внизъ, были взорваны арсеналъ и столышіе близости мноносопы и подводныя лодки.

Адмиралъ Уолтонъ придавалъ дѣйствію летательныхъ аппаратовъ лишь второстепенное значеніе. По его мнѣнію, рѣшающее слово принадлежало тяжелой судовой артиллеріи и бронямъ. Поэтому онъ и поручилъ князю Эмбриако сопровождать своей летучей эскадрой военные транспорты, перевозившіе англійскіе корпуса на континентъ.

Въ 10 часовъ вечера того же дня Уолтонъ по беспроволочному телеграфу приказалъ дивизіи дредноутовъ усилить свою бдительность, такъ какъ, по свѣдѣніямъ развѣдочныхъ судовъ, неприятель уже вышелъ изъ своей базы. Князь Эмбриако въ соотвѣтствіи съ этимъ поручилъ капитану Альгарди произвести первую воздушную рекогносцировку. Самъ же онъ остался на палубѣ «Нептуна» — флагманскаго судна эскортировавшей транспорты эскадры.

Очень немногіе дожились спать въ ту ночь при первомъ извѣстіи о предстоящемъ сраженіи. Палуба ожила. Издали у береговъ видѣлась огромная масса заатлантическихъ парусовъ въ 70 тысячъ тоннъ каждый. Этимъ транспортамъ предшествовали на разстояніи одной мили крейсера «Бергевенъ» и «Альбекъ», имѣвшіе по сторонамъ по двѣ подводныя лодки. Въ промежуткахъ между транспортами шли дредноуты и крейсера. Шествіе замыкалось новыми дредноутами и подводными лодками. Времени съ боковъ «Нептуна» выныржали подводныя лодки, точно дельфины.

— Въ данную минуту, — говорилъ командиръ «Нептуна», — сраженіе, несомнѣнно, уже началось и императоръ можетъ быть радъ.

Онъ съ минуты на минуту ждалъ приказъ

адмирала, но часы шли, а извѣстїя все еще не поступали. Только въ полночь черезъ цѣль развѣдочныхъ судовъ, поддерживавшихъ сообщеніе между обѣими эскадрами, былъ полученъ сигналъ адмирала Уольтона: «Англія и Франція ждутъ, что каждый выполнитъ свой долгъ».

А затѣмъ опять тихо стало. Текли часы напряженнаго ожиданія. Уже занималась заря, когда адмиралъ Хорлендъ экстренно пригласилъ къ себѣ князя Эмбриако. На лицѣ стараго генерала ничего пельза было прочесть. Спокойно, сохраняя свой обычный видъ, онъ показалъ итальянскому офицеру только-что полученное имъ отъ лорда Уольтона радио-телеграфное сообщеніе:

«Ядро неприятельскихъ силъ дѣлаетъ попытку вернуться къ своему операціонному базису. Во время ночного сраженія три германскихъ крейсера—«Киль», «Данцигъ» и «Свинемюнде» — провалясь черезъ нашу линію и, лишенные возможности снова соединиться съ остальной частью эскадры, бѣгутъ на всѣхъ парахъ на западъ. Прикажите развѣдочнымъ судамъ обнаружить ихъ».

Хорлендъ сказалъ:

— Бой, повидимому, произошелъ, но перѣшающій.

— Однако, неприятельская эскадра отступаетъ къ Вильгельмсгагену.

— Совершенно вѣрно, но мы не знаемъ, въ какихъ условіяхъ... А затѣмъ, князь, эти крейсера... Г-мъ... Цѣлыхъ три...

Эмбриако не соглашался съ мнѣніемъ Хорленда.

— Очевидно, самъ главнокомандующій, въ моментъ отправки телеграммы не имѣлъ еще точнаго представленія о результатахъ ночного боя, происшедшаго при исключительныхъ условіяхъ.

Разговоръ на этомъ прервался.

Приказъ главнаго адмирала обнаружить неприятельскія суда касался, главнымъ образомъ, Эмбриако. Попрошавшись съ вице-адмираломъ, князь быстрымъ шагомъ направился на корму, гдѣ уже стоялъ готовымъ къ взлету его аэропланъ. Едва онъ взлетѣлъ, какъ за нимъ послѣдовали развѣдочное судно «Берегеванъ» и четыре подводныхъ лодки. Пользуясь безпроводнымъ телеграфомъ, установленнымъ на «Берегеванѣ», князь Эмбриако скоро вошелъ въ сношеніе съ летучей эскадрой Алгарди и передалъ ей приказъ главнаго адмирала. Минутъ черезъ двадцать радио-телеграфистъ передалъ ему слѣдующее сообщеніе:

«Крейсеръ «Айэрландъ» доносить, что французская дивизія вице-адмирала Термидо

въ составѣ линейныхъ судовъ «Наполеонъ», «Ванжеръ», «Лагравьеръ», «Вильомъ» и бронированныхъ крейсеровъ «Беталкуръ», «Буссо», «Жанъ де-Віенъ», «Жакъ Керъ» и «Базилій» преслѣдуютъ по направленію къ Скагену какую-то дивизію германской эскадры, составъ которой остается неизвѣстнымъ».

Это сообщеніе поставило князя втупикъ. «Что же произошло ночью во время боя?—думалъ онъ, дважды прочитавъ сообщеніе.—Разсѣяніе неприятельскихъ силъ означало, несомнѣнно, успѣхъ англо-французской эскадры. Но каковъ этотъ успѣхъ и цѣною какихъ жертвъ онъ достигнутъ—остается неизвѣстнымъ. Въ какихъ условіяхъ находится теперь обѣ эскадры? Каковы потери адмирала Уольтона? Что это за три крейсера вырвались изъ неприятельской эскадры и бѣгутъ на западъ? Если Уольтонъ не имѣлъ возможности погнаться за ними, то это, въ свою очередь, означаетъ только то, что онъ еще занятъ ядромъ русско-германскаго флота...

Допустимъ, что три германскихъ крейсера бросились навстрѣчу военнымъ транспортамъ, идущимъ изъ Шотландіи къ берегамъ Шельды, т. е. тѣмъ англійскимъ корусамъ, которые составляютъ спасеніе Антверпена. Но вѣдь охрана ихъ поручена восьми дредноутамъ вице-адмирала Хорленда, воздушной флотилии Эмбриако и подводнымъ лодкамъ. Мыслимо-ли, чтобы германскіе крейсера, какой бы скоростью они ни обладали, могли расчитывать на успѣхъ при встрѣчѣ съ этими дредноутами?..

— Полковникъ,—прервалъ его размысленія сидѣвшій позади радио-телеграфистъ,—вотъ другое сообщеніе.

«Берегеванъ» сообщалъ, что воздушная эскадра Алгарди уже замѣтила германскіе крейсера, которые идутъ, дѣйствительно, наперерѣзъ транспортамъ; въ точности они не знаютъ направленія транспортовъ, но морской инстинктъ, повидимому, ведетъ ихъ упорно къ цѣли.

Эмбриако передалъ это извѣстіе адмиралу Хорленду, который въ отвѣтъ сообщилъ, что съ со всей скоростью идетъ къ указанному аэропланамъ пункту. Англійскій адмиралъ шелъ на большой рискъ; онъ оставилъ военные транспорты подъ охраной лишь двухъ развѣдочныхъ судовъ и такого же количества подводныхъ лодокъ, а самъ во главѣ дредноутовъ, миноносцевъ и подводныхъ лодокъ бросился къ врагу.

Черезъ десять минутъ, дѣйствительно, на горизонтѣ показались очертанія германскихъ крейсеровъ. Первый выстрѣлъ былъ

выпущены нѣмцами, которые находились еще подъ впечатлѣніемъ упорнаго ночнаго боя. Съ огромной высоты Эмбриако любовался блестящими маневрами адмирала Хорлида, который намѣревался, повидимому, пустить въ дѣйствіе свои орудія мелкаго калибра.

Скоро боевая линія нѣмцевъ дала трещину. «Киль» сталъ отставать отъ остальныхъ крейсеровъ, привлекая къ себѣ тяжелые снаряды англійскихъ дредноутовъ. Аэропланы и подводныя лодки, точно хищныя птицы, завершали это дѣло. Эмбриако былъ занятъ, главнымъ образомъ, крейсеромъ «Данцигъ», который постепенно также сталъ отставать.

Но неожиданно съ кормы «Кили» поднялся германскій монопланъ и рѣшительно направился навстрѣчу Эмбриако. Монопланъ поднимался съ максимальной быстротою и съ явной цѣлью завлечь неприятеля на большую высоту, съ тѣмъ, чтобы внезапнымъ спускомъ нанести англійскимъ дредноутамъ возможно большій уронъ. Скоро оба аппарата исчезли въ выси.

Когда его подняли изъ воды на крейсере «Гиперьонъ», Эмбриако узналъ отъ Гукеля болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о ночномъ сраженіи.

Русско-германская эскадра вышла изъ Вильгельмсгавена въ открытое море съ твердымъ намѣреніемъ воспрепятствовать во что бы то ни стало проходу военныхъ транспортовъ, о чемъ въ Вильгельмсгавенѣ своевременно были получены подлинныя извѣстія.

Рѣшительному тактическому движенію нѣмцевъ предшествовала атака подводныхъ лодокъ. Правда, русско-германскіе миноносцы были во время обнаружены англо-французскими развѣдчиками, но они все-таки смѣло бросились на штурмъ и, не боясь скорострѣльныхъ орудій англичанъ, успѣли пустить мину въ «Шелли» — флагманское судно самаго молодого адмирала британскаго флота. Въ моментъ взрыва адмиралъ Джонъ Виллуксъ находился на рубкѣ. Съ тѣхъ поръ его больше не видѣли. Брансбургъ пошелъ ко дну въ нѣсколько минутъ. Большая часть экипажа погибла. Были повреждены всего нѣсколько десятковъ матросовъ, остальные бросились въ воду, но половина изъ нихъ, изрѣзываясь буквально на куски.

Англо-французскіе сознавали, что за нападеніемъ германскихъ миноносцевъ должна послѣдовать пеннигуемо общія атака русско-германской эскадры, которая уже вышла изъ Вильгельмсгавена. Выпадъ германскихъ ми-

ноносцевъ не внесъ никакаго разстройства въ англо-французскую эскадру. Дѣйствуя по заранее разработанному плану, адмиралъ Уолтонъ разбилъ свои силы на двѣ части, ввѣривъ одну изъ нихъ вице-адмиралу Термидэ.

Въ одиннадцать часовъ тридцать минутъ вечера отъ французскаго развѣдочнаго судна «Фратернитэ» поступило слѣдующее телеграфное сообщеніе: «Я окруженъ тремя крейсерами. Погибаю. Черезъ десять минутъ русско-германская эскадра будетъ на разстояніи...» Телеграмма была прервана на этомъ мѣстѣ. Командиръ французскаго судна, повидимому, указывалъ адмиралу направленіе неприятельской эскадры въ тотъ моментъ, когда онъ уже шелъ ко дну. Но его телеграмма все же послала сигналъ къ открытію боя.

Стояла темная ночь. Русско-германская эскадра направляла свой огонь, главнымъ образомъ, на неприятельскій центръ. Мелкія же суда, точно дельфины, ныряли вокругъ, пытались вводить въ заблужденіе неприятельскіе прожекторы и часто покаяла тодь выстрѣлы германскихъ же судовъ. Былъ моментъ, когда казалось, что три дивизіи русско-германской эскадры серьезно воспрепятствуютъ обходному движенію англо-французской эскадры. Это произошло въ моментъ потопленія англійскихъ крейсеровъ «Доккъ» и «Бектонъ».

Черезъ образовавшуюся въ англо-французской эскадрѣ брешь прорвались 5 германскихъ крейсеровъ типа «Киль»; но изъ нихъ «Фридрихсбургъ» былъ скоро пущенъ ко дну, а «Берлинъ» совершенно обезсиленъ тяжелыми снарядами дредноутовъ. «Киль», «Данцигъ» и «Свинемюнде» тѣмъ не менѣе успѣли прорваться черезъ англо-французскую линію и на всѣхъ парахъ пошли навстрѣчу военнымъ транспортамъ. Лордъ Уолтонъ былъ лириченъ возможности послать за ними влодку часть своей эскадры, такъ какъ бой продолжался еще по всей линіи, часть его судовъ была вынуждена покинуть боевую линію, другія пошли ко дну, безъ того, чтобы кто-нибудь могъ подумать о спасеніи экипажа.

Въ 4 часа 20 минутъ ночи адмиралъ Уолтонъ былъ извѣщенъ вице-адмираломъ Термидэ, что 4 боевныя единицы неприятеля, выйдя изъ боевой линіи, бѣгутъ на сѣверо-западъ, маневръ неприятеля озадачилъ адмирала. Единственно, что онъ могъ предположить, это то, что бѣжавшая дивизія рассчитываетъ соединиться съ бѣжавшими раньше тремя дивизіями для общаго нападенія на транспортъ. Уолтонъ поручилъ

французскому адмиралу преслѣдовать неприятеля на всѣхъ парахъ.

Бой продолжался уже болѣе 4-хъ часовъ. Англо-французская эскадра уже успѣла потерять бронированные крейсера «Шелли», «Локъ», «Беконъ», эскадренные броненосцы «Джервисъ» и «Худъ» и нѣсколько дредноутовъ. Еще большія потери понесла русско-германская эскадра; она потеряла не менѣе 7 первоклассныхъ боевыхъ единицъ.

Отъ адмирала Термидэ тѣмъ временемъ поступило радио-телеграфное сообщеніе: четыре бѣжавшихъ неприятельскихъ судна выкинули красный флагъ и держатъ курсъ на Ютландъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ передалъ новую телеграмму, просигнализированную ему нѣмцами: «Мы взбунтовались и идемъ въ нейтральный портъ. Мы не питаемъ къ вамъ никакихъ враждебныхъ намѣреній. Не вынуждайте насъ къ безплодной защитѣ».

Лордъ Уолтонъ сомнѣвался. «Не военная-ли это хитрость?»

Онъ по безпроводному телеграфу передалъ адмиралу Термидэ приказъ: «Преслѣдуйте бѣгущую эскадру до нейтрального порта и заставьте ее сдаться».

Но съ наступленіемъ зари Уолтонъ самымъ положительнымъ образомъ убѣдился въ отсутствіи какой бы то ни было симуляціи со стороны бѣгущей эскадры.

Онъ снова протелеграфировалъ адмиралу Термидэ послать вдогонку за эскадрой всего два крейсера, а съ остальной частью эскадры отправиться въ поиски за германскими крейсерами типа «Киль». Своей собственной эскадрой онъ намѣревался возобновить атаку на русско-германскій флотъ, отступившій къ Вильгельмсгавену.

Русско-германская эскадра была уже разбита на нѣсколько группъ, каждая изъ которыхъ на свой собственный рискъ и страхъ продолжала бой, съ явнымъ намѣреніемъ нанести неприятелю возможно большій уронъ. Для прикрытія своихъ дредноутовъ, которые все время находились подъ обстрѣломъ эскадры Уолтона, главный адмиралъ русско-германскаго флота, принцъ Фридрихъ Прусскій, приказалъ наиболѣе безстрашными судамъ произвести контр-атаку совмѣстно съ эскадрой адмирала Скрыдлова. Последній, имѣвшій въ своемъ распоряженіи большое число миноносцевъ-истребителей и подводныхъ лодокъ, выполнилъ эту контр-атаку блестяще, рѣшивъ, повидимому, поставить на карту всю свою эскадру, лишь бы нанести чувствительный уронъ неприятелю. Это была рѣшающій мо-

ментъ боя, выдающіяся способности русскаго адмирала обнаружилась во всей своей полнотѣ. Вниманіе Скрыдлова было направлено на то, главнымъ образомъ, чтобы во время дать русско-германскимъ дредноутамъ возможность отступить съ наименьшими потерями къ Гельголанду, послѣ чего онъ самъ отступилъ бы къ Вильгельмсгавену.

Въ 3 часа пополудни бой былъ законченъ. Эскадра лорда Уолтона, потерявшая 4 крейсера и 6 линейныхъ броненосцевъ, осталась хозяиномъ положенія, тѣмъ болѣе, что къ тому времени отъ адмирала Хорлэнда уже поступило радио-телеграфное сообщеніе о гибели германскихъ крейсеровъ «Киль» и «Свинемюнде», потопленныхъ соединенными усилиями подводныхъ лодокъ и воздушной флотиліей лейтенанта Альгарди. Адмиралъ Термидэ, въ свою очередь, потопилъ «Данцигъ» и спасъ значительную часть его экипажа.

Обще-европейская драма близилась къ концу. Австро-русско-германскій союзъ давалъ одну трещину за другой. Послѣ блестящей побѣды, одержанной на морѣ адмираломъ Уолтономъ, послѣ высадки англійскаго экспедиціоннаго корпуса въ Антверпепъ и разоруженія взбунтовавшейся дивизіи германской эскадры, никто болѣе не сомнѣвался въ благослучномъ для Франціи исходѣ сухопутной войны на ея восточной границѣ.

Генералъ Баллуа смѣло наступалъ на Страсбургъ. Извѣстіе, что французскій главнокомандующій Баяръ стремительною атакой заставилъ германскую армію отступить по ту сторону Мозеля, вызвало повсюду глубокое чувство удивленія.

Побѣдоносное шествіе французскаго маршала казалось чудомъ. Уже 14-го октября Баяръ осаждалъ первую линію германскихъ укрѣпленій вокругъ Меца. Одновременно съ этимъ другіе корпуса перешли на правый берегъ Мозеля и съ трехъ сторонъ тѣснили кронпринца и третью германскую армію генерала Газелера. 7-го января первая линія укрѣпленій Меца была взята французами. Черезъ два мѣсяца пала также и вторая линія, и французскія войска вступили въ Мецъ. Паденіе Меца разсматривалось во всемъ мірѣ, какъ конецъ войны.

Въ одномъ изъ залъ Люсембургскаго дворца итальянскій посолъ въ Парижѣ Эрнесто Спади, окруженный журналистами и депутатами, высказывалъ свое мнѣніе о ближайшемъ будущемъ Европы. Онъ только что вернулся съ аудіенціи у президента

республики Жореса, которому онъ сообщалъ, что между Италией и Австріей заключено перемиріе.

— Драма кончена,—говорилъ онъ, похлывая по плечу одного изъ знакомыхъ журналистовъ.

— А когда другія государства заключать перемиріе?—спрашивали журналисты.

— Миръ, господа, родится въ тяжелыхъ мукахъ.—Заключеніе этого мира, быть можетъ, займетъ больше времени, чѣмъ сама война. Воюющія стороны постепенно заключать между собою такія же частныя перемирія, какъ нынѣ Италия съ Австріей, и только послѣ того приступятъ къ редакціи мирныхъ договоровъ.

— Г-мъ?

— Вы сомнѣваетесь?... Европа, дѣйствительно, измѣнитъ свой видъ, но только въ области моральной и идейной. Конечно, границы также подвергнутся нѣкоторымъ измѣненіямъ. Италия, напримѣръ, получитъ Триентъ; относительно Триеста я очень сомнѣваюсь. Эльзась-Лотарингія перейдетъ къ Франціи. Болѣе значительныя измѣненія предстоятъ на Балканскомъ полуостровѣ. Уступивъ Критъ Греціи, Турція окончательно убѣдится, что ея миссія въ Европѣ исчерпана, что ея границы лежатъ въ Малой Азіи. Сербія станетъ во главѣ южнославянской федераціи, а Албанія сохранитъ свою независимость для поддержанія равновѣсія въ Адриатикѣ. Видите, сколько дѣла осталось еще для дипломатовъ.

Х.

Послѣ похоронъ палы Бепедигта одинокій эрцгерцогскій моторъ медленно возвращался въ Шенбрунскій дворецъ.

Въ немъ сидѣли два пожилыхъ пассажира: одинъ—высокій и плечистый, съ энергичнымъ, испещреннымъ морщинами лицомъ, другой—низкаго роста и плотный, точно квадратный.

— Вотъ Шенбрунскій дворецъ,—сказалъ тихо и ласково высокий. — Мы приѣхали.

У главнаго подъѣзда ихъ встрѣтили дежурный офицеръ и нѣсколько штатскихъ. Ихъ ждали. Первымъ вышелъ высокий, котораго всѣ, повидимому, знали. Не представляя своего спутника другимъ офицерскимъ чинамъ, выседшимъ изъ навстрѣчу, онъ прослѣдовалъ съ нимъ вглубь дворца, спросивъ только камергера маркиза Билана, можетъ-ли его величество принять его немедленно.

— Ваше высочество, васъ уже ожидаютъ, но...—прибавилъ камергеръ, стран-

нымъ взглядомъ осматривая спутника эрцгерцога.

— Не беспокойтесь,—прервалъ его эрцгерцогъ, понявъ тайную мысль камергера,—онъ пойдетъ со мною. Доложите же.

Черезъ нѣсколько минутъ оба вошли въ роковой историческій залъ, гдѣ великій императоръ жилъ съ 1805 до 1809 года и гдѣ его сынъ, король Рима, такъ часто склонялъ свою голову передъ Меттернихомъ.

Францъ-Иосифъ сидѣлъ въ креслѣ. Никого въ залѣ болѣе не было. Едва услышавъ шаги вошедшихъ, онъ тихо и медленно, точно обливаясь каждое слово, дрожащимъ голосомъ сказалъ:

— Людовикъ Сальваторъ. Твой визитъ для меня—предвѣстникъ важныхъ событій. Говори безстрашно. Меня ничто болѣе не испугаетъ.

— Ваше величество. Я не одинъ,—отвѣтилъ Людовикъ Сальваторъ съ дрожью въ голосѣ.

Слѣпой императоръ услышалъ тогда шаги второго гостя и инстинктивно протянулъ къ нему свои худыя руки.

— Кто ты? — почти вскрикнулъ онъ, приподнимаясь съ кресла.

— Ваше величество...—бормоталъ незнакомецъ и голосъ его былъ прерванъ глубокимъ вздохомъ.

Слѣпой выпустилъ руки незнакомца и снова грузно опустился въ кресло. Но черезъ минуту онъ вновь приподнялся, опираясь обѣими руками о спинку кресла.

— Иоаннъ, Иоаннъ,—почти кричалъ онъ, дѣлая сверхчеловѣческія усилія, чтобы вновь приобрести даръ зрѣнія и видѣть того полковника артиллеріи, который въ 1878 году первый вступилъ въ Боснію.—Какъ видишь, я снова на тронѣ. Францъ-Фридрихъ не захотѣлъ подписать договора объ уступкѣ Триента и Триеста Италиі и снова возложилъ императорскую корону на мою старую голову. Но теперь, съ твоимъ возвращеніемъ, Иоаннъ, для насъ начинается новая жизнь... Да, совершенно новая и...

Старый императоръ не договорилъ.

* * *

На слѣдующій день въ ранніе утренніе часы Европу облетѣла вѣсть: австро-венгерскій эксъ-императоръ Францъ-Фридрихъ покинулъ Шенбрунскій дворецъ и перѣхалъ въ далекій уединенный замокъ Мирамаръ. Австрійскіе либералы, узнавъ о возвращеніи Иоанна Орта, бывшаго тайнаго путешественника, провозгласили его императоромъ.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.